ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка.	Напечатано:	Должно быть:
12	12 св.	между прочимъ понятіемъ, входящимъ	между прочими понятіями, входящими
—	18 »	другія опредѣленія и т. д.	другія опредѣленія; понятіе «человѣкъ» болѣе обще; чѣмъ понятіе «философъ», понятіе «животное» болѣе обще, чѣмъ понятіе «человѣкъ» и т. д.

Л. С. Качоровская.

К308

ПРОБЛЕМЫ

ОБЩЕСТВЕННАГО МАТЕРІАЛИЗМА.

165352

БИБЛИОТЕКА
СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Т-ва „Народная Польза“ Коломенская ул. соб. домъ № 39.
1904.

А. С. Качоровская.

К308

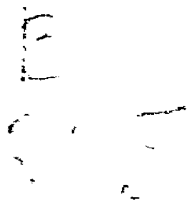
ПРОБЛЕМЫ

ОБЩЕСТВЕННАГО МАТЕРІАЛИЗМА.

165352

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Т-ва „Народная Польза“ Коломенская ул. соб. домъ № 39.
1904.



Дозволено цензурою Спб., 10 Марта 1904 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Время отъ времени философскіе вопросы начинаютъ интересовать не только философовъ-спеціалистовъ, а охватываютъ и болѣе широкій кругъ общества и дѣлаются, такимъ образомъ, вопросами опредѣленнаго общественнаго момента.

Этотъ фактъ, самъ по себѣ, указывающій на нѣкоторое соприкосновеніе философскихъ вопросовъ съ вопросами общественной жизни, становится понятенъ, если принять во вниманіе, что философское объединительное изслѣдованіе, какъ рѣшающее проблемы бытія, ищетъ основаніе и для абстрактныхъ формъ бытія—понятій, стимуловъ опредѣленныхъ человѣческихъ дѣятельностей.

Поэтому во всѣ общественно-историческіе періоды философское изслѣдованіе пыталось разрѣшить вопросъ происхожденія общественной мысли, а вмѣстѣ съ тѣмъ найти и затерявшееся общественное содержаніе такихъ понятій, какъ понятія: о добрѣ и злѣ, нравственнаго и справедливаго и прочихъ болѣе общихъ и болѣе конкретныхъ понятій.

Позднѣе, въ своемъ научномъ построеніи, и соціологія натолкнулась на цѣлые ряды понятій, которыя ей прежде всего пришлось опредѣлить.

Въ противоположность естественно-научному изслѣдованію, соціологія не имѣетъ предметовъ своего изслѣдованія въ эмпирической очевидности. То, что встрѣчаетъ она на пути къ своему опытному изслѣдованію, это *понятія* о предметахъ. Поэтому ей прежде всего

приходится опредѣлить эти понятія соотвѣтственной имъ областью явленій природы, а затѣмъ уже перейти къ ихъ опытному изслѣдованію. Только тогда предметы ея изслѣдованія будутъ представляться ей въ ограниченности и раздѣльности и для нея будетъ возможно изслѣдованіе причинозависимостей и законозависимостей данныхъ явленій.

Такимъ образомъ, научная соціологія подвергаетъ анализу цѣлые ряды понятій въ политическихъ, экономическихъ и проч. областяхъ своего изслѣдованія и опредѣляетъ ихъ соотвѣтствующими имъ фактическими общественными отношеніями.

Но, наталкиваясь прежде всего на фактическое общественное существованіе *понятій* и начиная съ установленія соотвѣтствія этихъ понятій опредѣленнымъ *матеріальнымъ областямъ изслѣдованія*, соціологія, при *критическомъ отношеніи* именно къ этому своему пріему изслѣдованія, констатируетъ фактъ *общественнаго* существованія понятій. внѣ зависимости отъ *непосредственнаго индивидуальнаго* представленія формъ матеріальной дѣйствительности.

Довольно распространено мнѣніе, что стоитъ только условиться подъ тѣми или другими понятіями подразумѣвать опредѣленную въ свойствахъ матеріальную область дѣйствительности и все необходимое для дальнѣйшаго изслѣдованія будетъ сдѣлано.

Чаще всего, при этомъ, понятіе еще смѣшивается съ названіемъ предмета, и тогда подъ этой общей формой названія совершенно скрывается разница между индивидуальной формой представленія предмета и общественно-существующей формой знанія о немъ—понятіемъ.

Но эта грубая простота методологической точки зрѣнія характеризуетъ время. Только мышленіе, воспитанное въ общественномъ строѣ, основанномъ на индивидуалистическихъ началахъ, можетъ претендовать на самопроизвольное созданіе того, что имѣетъ свое объективно-общественное бытіе и объективно-общественные законы развитія.

Соціологическому мышленію, такому мышленію, которое разсматриваетъ *соціологическую* форму существованія понятій, т. е. существованіе ихъ *на ряду и одновременно съ другими понятіями* (какъ оно разсматриваетъ всякое соціологическое явленіе *на ряду* и *одновременно* съ другими соціологическими явленіями)

приходится брать понятіе въ той связи, въ которой оно существуетъ одновременно съ другими и въ которой это его существованіе обусловлено существованіемъ другихъ, т. е. соціологическому мышленію приходится разсматривать одновременно *общественно-существующую систему* понятій. Если же объяснить, при систематическомъ, т. е. законозависимомъ существованіи понятій, простой индивидуальной обусловленностью рѣчи существованіе *одного* понятія, то этой же обусловленностью пришлось бы объяснить, существующій въ связи и законозависимости одного понятія отъ другого, и *цѣлый рядъ понятій*. Но, въ такомъ случаѣ, эту индивидуальную обусловленность пришлось бы *обусловить* однимъ объективнымъ принципомъ, какъ объясняющимъ именно такое связное законозависимое объективно-*общественное* существованіе понятій. Тавтологія эта дѣлаетъ яснымъ то, что существованіе понятій и опредѣленіе ихъ обосновано именно этимъ объективнымъ принципомъ, а не индивидуальнымъ произволомъ и индивидуальною обусловленностью.

Міровоззрѣніе, выросшее въ той общественной формаціи, въ которой очевидное общественное существованіе индивида и его формъ мысли не затемнялось общественными началами, обособляющими жизнь и дѣятельность этого индивида, какъ греческое міровоззрѣніе, именно черезъ эту соціологическую форму мысли, почти сполна исчерпало весь сырой матеріалъ философскаго метода и на долгое время опредѣлило, въ этомъ отношеніи, позднѣйшую форму европейскаго мышленія.

Практически, теперь научная соціологія, признавая фактъ объективно-общественнаго существованія понятій, при опредѣленіи ихъ употребляетъ, какъ извѣстно, два метода: аналитическій и генетическій.

Первый, аналитическій методъ, состоитъ въ томъ, что отъ даннаго неизвѣстнаго понятія соціологія обращается къ совокупности общественно-существующихъ понятій и ищетъ среди нихъ соотвѣтственно болѣе общее, простѣйшее понятіе и затѣмъ пробуетъ его опредѣлить.

Если она опредѣлитъ это болѣе общее понятіе, то тогда, путемъ осложненій, ей удастся опредѣлить и данное неизвѣстное болѣе конкретное понятіе.

Если же и болѣе общее понятіе окажется неизвѣстнымъ, то она ищетъ еще болѣе общее понятіе и пробуетъ его опредѣлить и т. д.

При второмъ, такъ называемомъ генетическомъ, методѣ опредѣленія соціологія возвращается къ той стадіи общественнаго развитія, когда понятіе впервые возникло и смотритъ какимъ общественнымъ конкретнымъ явленіямъ оно соотвѣтствовало, и затѣмъ продолжаетъ разсматривать это явленіе въ постепенно возрастающемъ его историческомъ осложненіи и слѣдитъ за послѣдовательно исторически же развивающейся сложностью или большей конкретностью новыхъ понятій, которыя осложнившееся явленіе порождаетъ.

Но чтобъ эти, практически примѣнимые, методы сдѣлались научными, они, въ свою очередь, должны быть доказанными какъ фактъ, а не какъ методологическое предположеніе. А это уже область философіи.

Но изслѣдуя форму существованія *понятій*, философія не можетъ однако разсматривать ихъ изолированно отъ *предметовъ природы*, которымъ эти понятія соотвѣтствуютъ.

Такимъ образомъ, пытаясь принципіально обосновать существованіе различныхъ понятій, философское объединительное изслѣдованіе естественно переходитъ къ изслѣдованію и принципіальнаго обоснованія различныхъ *формъ* объективированной *природы*.

Но переходя послѣдовательно, въ силу соотношеній, отъ изслѣдованія условій существованія *понятій* къ условіямъ *различныхъ соотношеній формально-объективированной природы*, философское изслѣдованіе, такимъ образомъ, оставляетъ за собою *слѣдъ*, который обрисовывается внѣшнимъ объединительнымъ выраженіемъ *соотношенія* этихъ частей ея изслѣдованія другъ къ другу.

И этотъ то *формальный* слѣдъ, это *формально-объединительное соотношеніе*, въ цѣлой наличности его выраженія, и вырисовывается для насъ центральнымъ пунктомъ философскаго изслѣдованія, какъ внѣшнимъ выраженіемъ одного принципа, который *объединяетъ собою*, въ одно цѣлое, весь философскій матеріалъ изслѣдованія, т. е. существованіе понятій или существованіе *абстрактной дѣйствительности* и существованіе разсматриваемыхъ формъ объективированной природы или существованіе *матеріальной дѣйствительности*.

Такимъ образомъ, философское объединительное изслѣдованіе, изъ котораго вытекаетъ и возможность причинозависимаго обоснованія и опредѣленія понятій, естественнымъ образомъ распадается на три части:

1) на анализъ общественно-существующей системы понятій,

2) на анализъ системы нашего формальнаго объективированія природы или *предметнаго* представленія природы,

3) на анализъ соотношенія общественно-существующей системы понятій къ системѣ нашего предметнаго представленія природы.

Все это въ цѣломъ служитъ выясненію условій познанія.

До сихъ поръ, когда предметъ какого-либо научнаго изслѣдованія не былъ въ эмпирической очевидности предъ изслѣдователемъ, философія старалась отыскать этотъ предметъ и подыскать, такимъ образомъ, для опыта область приложенія его именно, какъ опредѣленнаго изслѣдованія.

Кромѣ того, чрезъ анализъ формальнаго представленія и пониманія природы, она давала опыту рядъ правилъ, располагающихъ его въ такомъ порядкѣ, который гарантируетъ наиболѣе полное опредѣленіе предмета въ цѣломъ, въ частяхъ и въ отношеніи къ другимъ предметамъ и такимъ образомъ устраняетъ возможность упущенія изъ изслѣдованія какой-либо части предмета, или, наоборотъ, чрезъ неясное его расчлененіе (что легко можетъ случиться, когда предмета нѣтъ предъ глазами) устраняетъ возможность отнесенія одной и той же части къ двумъ цѣлымъ и пр.

Матеріализмъ—это то философское направленіе изслѣдованія, которое пытается изъ критики уже своего собственнаго матеріала, формальнаго представленія и пониманія природы найти эмпирическую область изслѣдованій, которая, въ свою очередь, обусловила бы собою весь этотъ матеріалъ ея изслѣдованія.

Общественнымъ же матеріализмомъ мы называемъ то философское направленіе, которое ищетъ принципіальнаго обоснованія формальнаго представленія и пониманія всей совокупности природы *въ характерныхъ, конструктивныхъ особенностяхъ общественной матеріальной формы.*

Въ заключеніе, въ этомъ предисловіи, намъ остается сказать нѣсколько словъ въ оправданіе нѣкоторой трудности пониманія нашего очерка.

Внѣшнія условія личной жизни не позволяютъ болѣе удѣлять времени этой работѣ, а поэтому ее приходится пока издать въ этой незаконченной обработкѣ и въ наивозможно краткомъ видѣ.

Такимъ образомъ она является лишь краткимъ очеркомъ основныхъ положеній общественнаго матеріализма, безъ *подробнаго* освѣщенія его исторической послѣдовательностью философскихъ системъ.

Поэтому, пониманіе его, какъ краткаго очерка, страдаетъ отъ быстраго перехода одного положенія къ другому.

Однако, трудность пониманія зависитъ не только отъ этого,— сама область изслѣдованія слишкомъ абстрактна. Здѣсь, какъ сказалъ К. Марксъ, не поможетъ ни микроскопъ, ни химическій реактивъ, сила абстракціи должна замѣнить и то и другое.

Поэтому, желающему заняться вопросами философіи приходится разстаться съ публицистической легкостью пониманія ихъ и взять эти вопросы во всей трудности и сложности ихъ методологической постановки.

Затѣмъ, трудность пониманія еще болѣе усиливается тѣмъ, что философія на этой ступени своего развитія не можетъ пользоваться для популяризаціи какими-либо формами традиціоннаго пониманія, ибо именно его-то она и подвергаетъ критикѣ не только по содержанію, но и по формальной внѣшности.

ЧАСТЬ I.

Внѣшне-описательный матеріалъ философскаго изслѣдованія.

I.

Понятія и ихъ общія формы соотношеній другъ къ другу.

Въ этой главѣ мы будемъ разсматривать, съ формальной стороны, всѣ существующія въ общественной наличности понятія, прилагаемыя, въ познаніи, къ разнообразнымъ предметамъ природы, во всей ихъ раздѣльности, конкретности и общности другъ съ другомъ.

Такимъ образомъ, мы съ внѣшне-формальной стороны, безотносительно къ исторически измѣняющемуся содержанію, будемъ разсматривать все общественное познаніе въ цѣломъ и въ соотношеніи его частей.

Анализъ же отдѣльнаго понятія послужитъ исходной точкой нашего изслѣдованія.

Понятіе (имя—понятіе) указываетъ на матеріальную дѣйствительность *безъ наличности индивидуальнаго, непосредственнаго* ея воспріятія (въ противуположность имени предмета природы, которое указываетъ на матеріальную дѣйствительность въ ея *непосредственномъ индивидуальномъ* воспріятіи).

Такимъ образомъ, понятіе, какъ бы, указываетъ на матеріальную дѣйствительность въ предвидѣніи *). Это дѣлается понятіемъ

*) На это намъ могутъ возразить, что понятія указываютъ не только на матеріальную дѣйствительность, но и на понятія же или же на различныя наши формы мысли о матеріальной дѣйствительности; во вторыхъ, понятія указываютъ на такія проблематическія формы, какъ различныя формы божественнаго представленія и пр. Относительно перваго мы можемъ сказать, что сейчасъ мы разсматриваемъ всѣ понятія въ ихъ общей формѣ опредѣленія, безъ предварительнаго анализа формъ ихъ соотношеній другъ къ другу,

чрезъ рядъ общественныхъ опредѣленій матеріальной дѣйствительности, которыя *означаются подъ даннымъ понятіемъ* и *составляютъ непосредственно общественное содержаніе этого понятія*. Напримѣръ: понятіе о прямой линіи означаетъ кратчайшее разстояніе между двумя точками, и этотъ послѣдній рядъ опредѣленій становится его содержаніемъ. Или еще примѣръ: какъ понятіе, Сократъ означаетъ греческаго философа и эти опредѣленія составляютъ его содержаніе и т. д.

Понятіе и его содержаніе—это двѣ другъ друга обусловливающія (т. е. объективно-общественное существованіе понятія подразумѣваетъ объективное общественно-существующее его содержаніе, и наоборотъ) *и другъ друга выражающія, чрезъ свое равенство, части одного цѣлаго равнаго отношенія ихъ другъ къ другу.*

Внѣшнимъ выраженіемъ этого равнаго ихъ отношенія является *форма общественнаго опредѣленія понятія. Форма общественнаго опредѣленія понятія* прямой линіи будетъ: прямая линія есть кратчайшее между двумя точками; понятія Сократъ: Сократъ—греческій философъ и пр.

Форма общественнаго опредѣленія понятія, такимъ образомъ, соединяетъ въ одномъ цѣломъ, внѣшне выраженномъ, равномъ и обусловливающемъ другъ друга отношеніи: *понятіе—одну особую форму опредѣленія матеріальной дѣйствительности и его содержаніе—рядъ общественныхъ опредѣленій этой матеріальной дѣйствительности.*

Рядъ общественныхъ опредѣленій матеріальной дѣйствительности, чрезъ которыя понятіе на нее (матеріальную дѣйствительность) указываетъ и которыя, поэтому, составляютъ необходимое условіе ея существованія, какъ такового, надо отличать отъ общественныхъ же опре-

---

ибо только съ этой точки зрѣнія и можетъ быть сдѣланъ *необходимый* прежде всего анализъ каждаго отдѣльнаго понятія.

Въ этой же формѣ ихъ общности всѣ понятія указываютъ только на матеріальную дѣйствительность.

Относительно второго возможнаго замѣчанія, мы могли бы возразить, что всѣ подобнаго рода, фактически или недоказанныя или не существующія, формы жизни природы являются всегда творчески воспроизведенными и скомбинированными различными формами матеріальной дѣйствительности и понятія, такимъ образомъ, собственно на эти скомбинированныя ея формы и указываютъ

дѣленій этой же матеріальной дѣйствительности, *которыя опредѣляютъ ее, какъ уже указанную матеріально-существующей въ своемъ раздѣльномъ, отличномъ отъ всякой другой, видѣ* т. е. опредѣляютъ ее, какъ имѣющуюся въ наличности предъ изслѣдователемъ.

Этотъ послѣдній общественно-существующій рядъ общественныхъ опредѣленій матеріальной дѣйствительности обусловленъ существованіемъ перваго ряда; поэтому, форму общественнаго опредѣленія понятія онъ только осложняетъ или развиваетъ, какъ выражались греки. Напримѣръ, опредѣленіе—греческій философъ указываетъ на матеріальную дѣйствительность, какъ значущуюся подъ понятіемъ Сократъ, а такія опредѣленія какъ: добродѣтельный семьянинъ, государственный человѣкъ и пр. развиваютъ опредѣленія матеріальной дѣйствительности, уже указанной, въ отношеніи къ означенному понятію.

Первый рядъ опредѣленій мы будемъ называть опредѣленіями матеріальной дѣйствительности, или *опредѣленіями предмета* природы, а второй рядъ—опредѣленіями *свойствъ* матеріальной дѣйствительности или *опредѣленіями свойствъ предмета* природы.

Первый рядъ опредѣленій общественно существуетъ, *въ совокупности*, только въ отношеніи къ опредѣленному понятію и въ другихъ отношеніяхъ общественно разсматриваемъ быть не можетъ.

Опредѣленія второго рода могутъ быть и могутъ не быть и, затѣмъ, могутъ быть общественно вѣрны и не вѣрны.

Истинность ихъ, какъ общественныхъ опредѣленій, обусловлена опредѣленнымъ историческимъ періодомъ, его общественными орудіями пониманія и познанія природы.

Понятіе, разсматриваемое въ отношеніи къ своему содержанію, къ ряду опредѣленій матеріальной дѣйствительности, опредѣляетъ эту дѣйствительность со многихъ сторонъ, между тѣмъ, какъ каждое изъ опредѣленій, входящихъ *въ составъ его содержанія*, опредѣляетъ ее въ отношеніи къ понятію съ одной стороны.

Опредѣленіе конкретной дѣйствительности съ одной какой-либо стороны не можетъ опредѣлить ее болѣе или менѣе конкретно. Подъ это опредѣленіе подойдетъ множество частей конкретной дѣйствительности, въ этомъ отношеніи, являющихся однородными между собою.

Опредѣленіе со многихъ сторонъ является болѣе конкретнымъ потому что подъ это опредѣленіе подойдетъ меньшее число частей

конкретной дѣйствительности, въ этомъ отношеніи, являющихся однородными между собою. Такъ, напримѣръ: подъ опредѣленіе философъ подойдетъ большее количество частей конкретной дѣйствительности, чѣмъ подъ опредѣленіе греческій философъ и пр.

Общественное опредѣленіе содержанія даннаго понятія является не только общественно-даннымъ, но для опредѣленнаго историческаго періода полнымъ и законченнымъ въ самомъ себѣ.

Это отвлеченное представленіе общественной формы опредѣленія понятія принимаетъ совершенно конкретный видъ, когда мы поймемъ ее, какъ форму общественнаго познанія и противопоставимъ опыту каждаго отдѣльнаго индивида, какъ общественно-историческое наслѣдіе.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что въ этой части нашего очерка мы ограничиваемся изслѣдованіемъ именно только этой *традиціонной* формы общественнаго познанія. Если мы поймемъ его, въ цѣломъ и въ составныхъ элементахъ, въ этой какъ бы на моментъ застывшей его формѣ, то намъ тогда уже нетрудно будетъ представить и развивающуюся форму его въ цѣломъ и въ частяхъ.

Теперь возвратимся къ предмету нашего изслѣдованія.

Итакъ, мы только-что сказали, что общественное содержаніе даннаго понятія является не только общественно-даннымъ, но, для опредѣленнаго историческаго момента, полнымъ и законченнымъ въ самомъ себѣ.

Этой общественной формѣ опредѣленія понятія, на которую, какъ на общественно-данную, указываетъ самый фактъ существованія понятія, мы противупоставляемъ форму опредѣленія понятія каждаго отдѣльнаго индивида. Эту форму опредѣленія мы называемъ *сужденіемъ*.

Сужденіе, въ отношеніи къ общественной формѣ опредѣленія понятій, можетъ быть вѣрнымъ или не вѣрнымъ. (Третью форму сужденій, именно гипотетическую, мы не разсматриваемъ, такъ какъ она основана на этихъ двухъ предыдущихъ формахъ).

Общественно опредѣлить понятіе индивидъ можетъ только чрезъ общественно существующій рядъ опредѣленій, т. е. онъ опредѣляетъ понятіе черезъ опредѣленія, которыя находитъ въ обществѣ существующими. Только при этомъ условіи опредѣленія

его будутъ имѣть смыслъ для другихъ индивидовъ общества, т. е. общественное опредѣленіе понятій достигнетъ своей цѣли.

Но взять въ обществѣ эти опредѣленія индивидъ можетъ только тогда, когда ему извѣстно и содержаніе, которое обществомъ подразумѣвается подъ этими опредѣленіями. Только тогда уже можетъ онъ судить: вѣрны его опредѣленія или нѣтъ. Поэтому, эти опредѣленія ему придется разсматривать самимъ по себѣ, независимо отъ формы опредѣленія понятія, въ которую они входятъ какъ содержаніе.

Но сами по себѣ общественно существующія опредѣленія являются ничѣмъ инымъ, *какъ понятіями*, т е. именами, означающими, въ свою очередь, общественно опредѣленную матеріальную дѣйствительность. Такимъ образомъ, *общественная форма опредѣленія понятія была безусловна, сужденія же, которыя могутъ быть вѣрны или не вѣрны, относительны къ своему содержанію, какъ состоящему, въ свою очередь изъ общественно существующихъ понятій.*

Поэтому—чрезъ сужденіе индивидъ естественнымъ путемъ подходитъ къ анализу содержанія опредѣляемаго имъ понятія.

Если мы возьмемъ примѣръ общественнаго опредѣленія понятія: Сократъ—греческій философъ и пр., какъ примѣръ сужденія, то какъ вѣрное или не вѣрное, оно можетъ быть разсматриваемо постолько, посколько извѣстно содержаніе подъ общественными опредѣленіями: философъ, греческій и пр., т. е. посколько разсматривать ихъ отдѣльно, въ свою очередь, какъ понятія, т. е. какъ имена, означающія общественно-опредѣленную матеріальную дѣйствительность. Если индивидъ, напримѣръ, опредѣляетъ понятіемъ «философъ», человѣка, занимающагося выясненіемъ вопроса происхожденія матеріальныхъ и абстрактныхъ формъ бытія, то этимъ подразумѣвается, что онъ знаетъ общественное содержаніе подъ этими опредѣленіями, т. е., что онъ, опять-таки, каждое изъ нихъ опредѣляетъ, какъ понятіе. Напримѣръ, человѣка онъ опредѣляетъ—какъ животное, обладающее тѣми же что и онъ естественными орудіями жизни. Однимъ словомъ, каждое изъ опредѣленій понятія онъ употребляетъ лишь при условіи извѣстности ему его содержанія, какъ понятія же.

Такимъ образомъ, индивидуальная мысль изъ сферы опредѣленія одного понятія переходитъ въ общественную сферу существо-

ванія относительныхъ формъ опредѣленій одной и той же части конкретной дѣйствительности.

Каждое изъ опредѣленій самостоятельно взятое, какъ общественно существующее бытіе, есть понятіе, т. е. имя, подразумѣвающее собою общественно опредѣленную конкретную дѣйствительность. Такимъ образомъ получаемъ рядъ общественно одновременно существующихъ понятій, существующихъ притомъ въ опредѣленной зависимости одно къ другому, потому что каждое изъ болѣе конкретныхъ опредѣляется чрезъ отношеніе къ болѣе абстрактному, т. е. опредѣляющему дѣйствительность съ меньшихъ сторонъ и поэтому болѣе общихъ. Напримѣръ, понятіе: «Сократъ» опредѣляется, между прочимъ, понятіемъ входящимъ въ содержаніе его опредѣленія, понятіемъ—философъ. Однимъ изъ опредѣленій понятія «философъ» будетъ понятіе «человѣкъ», а одно изъ опредѣленій понятія «человѣкъ» будетъ понятіе «животное». Одно изъ опредѣленій понятія «животное» будетъ понятіе «существо» и т. д. Понятіе же «философъ» болѣе общее, чѣмъ понятіе «Сократъ», такъ какъ кромѣ него въ содержаніе понятія «Сократъ» входятъ еще и другія опредѣленія и т. д. Однимъ словомъ индивидуальная мысль наталкивается на цѣлые ряды общественно одновременно существующихъ понятій, которые всѣ опредѣляютъ *одну и ту же матеріальную дѣйствительность болѣе или менѣе абстрактно и существуютъ зависимо другъ отъ друга, потому что каждое конкретное имѣетъ значеніе постолько, поскольку опредѣляется чрезъ болѣе абстрактное, т. е. существуетъ въ относительной зависимости къ нему формы отъ своего содержанія.*

Наталкиваясь въ оцѣнкѣ своихъ сужденій на общественную относительность общественныхъ формъ опредѣленій конкретной дѣйствительности, индивидъ разсматриваетъ эту относительность на тѣхъ понятіяхъ, общественное содержаніе которыхъ онъ считаетъ ему безусловно извѣстнымъ. Въ каждомъ обществѣ, на опредѣленной ступени его развитія, имѣются цѣлые ряды понятій, содержаніе которыхъ считается общеизвѣстнымъ, и индивиду не приходится поэтому отыскивать общественное опредѣленіе этихъ понятій. Именно эти понятія регулируютъ общественныя отношенія между людьми; на этихъ понятіяхъ основана рѣчь. Но, чтобы изучать эти понятія (содержаніе которыхъ общеизвѣстно) и ихъ относительное законозависимое существованіе, индивидъ долженъ санкціонировать это ихъ

относительное общественное существованіе. А для этого онъ долженъ объективными причинами объяснить происхожденіе этихъ объективно существующихъ понятій.

Наука, изучающая законозависимое объективно-общественное существованіе понятій, а слѣдовательно относительность формъ нашихъ мыслей, которыя разлагаются на сужденія, называется діалектикой. Названіе ея указываетъ на ея происхожденіе. Она естественно вытекаетъ изъ анализа индивидуальныхъ сужденій и ихъ основаній, которыя (сужденія) внѣшнимъ образомъ выражаются въ рѣчи.

Діалектика естественнымъ путемъ переходитъ въ ту область человѣческаго познанія, *которая занимается выясненіемъ причины происхожденія: какъ абстрактныхъ формъ бытія, т. е. понятій, такъ и—какъ впослѣдствіи мы увидимъ—вопросами происхожденія конкретныхъ формъ бытія или предметовъ природы. Эта послѣдняя область человѣческаго познанія называется философіей.*

Діалектика является сырымъ матеріаломъ для философіи, такъ какъ въ своихъ выводахъ философія опирается, какъ на опредѣленные законы формальнаго существованія понятій, такъ-какъ увидимъ впослѣдствіи – и на различные законы формальнаго существованія матеріальной дѣйствительности. Поглощаясь всецѣло философіей, какъ сырой матеріалъ, она (діалектика) имѣетъ и самостоятельное значеніе, какъ введеніе въ философію.

Выясняя *объективную* причину существованія понятій, и этимъ самымъ санкціонируя существованіе ихъ въ опредѣленной зависимости другъ отъ друга, само собой, философія санкціонируетъ и общественную форму опредѣленія понятія.

Объяснить причину существованія понятій при выясняющейся ихъ общественной соотносительности, цѣлесообразнѣе на самыхъ общихъ понятіяхъ, такъ какъ болѣе конкретныя существуютъ въ зависимомъ отношеніи къ нимъ и выражаютъ ту же конкретную дѣйствительность, только конкретнѣе, чѣмъ они. Если найдемъ объективную причину существованія наиболѣе общихъ понятій, то и найдемъ ее для болѣе сложныхъ, т. е., иначе сказать, найдемъ тогда эту объективную причину, выраженную въ болѣе конкретныхъ условіяхъ.

Такимъ образомъ, путь философскаго изслѣдованія намѣчается

пока, съ этой точки зрѣнія, такой: надо пройти чрезъ ряды сложныхъ понятій къ простѣйшему, и его—прежде всего объяснить.

II.

Логика и логическое дѣленіе понятій.

Понятія различаются не только вообще въ отношеніи къ своему содержанію, какъ части совокупнаго общественнаго познанія, но они различаются еще и болѣе детально.

А именно, въ зависимости отъ общественной формы опредѣленія понятій, они, въ этихъ ея предѣлахъ, разлючаются между собой, какъ *части одного цѣлаго общественнаго содержанія понятія.*

Вотъ почему, прежде чѣмъ перейти къ намѣченному пути философскаго изслѣдованія, мы разсмотримъ это ихъ дѣленіе.

Сужденія (анализъ которыхъ всегда приводитъ къ анализу относительно общественнаго существованія понятій) могутъ содержать въ себѣ весь рядъ общественно данныхъ опредѣленій конкретной дѣйствительности, но могутъ ограничиться и одной какой-либо общественной формой опредѣленія ея, поэтому они, въ отношеніи къ общественной формѣ опредѣленія какого-либо понятія, которая для опредѣленнаго общественнаго періода является полной и законченной въ самой себѣ, могутъ быть полными или неполными.

Вотъ почему общественная форма опредѣленія понятія можетъ быть представлена—какъ цѣлый рядъ неполныхъ сужденій. Каждое такое сужденіе будетъ отличаться отъ другого такого же частичнаго сужденія, какъ часть общественнаго опредѣленія понятія отъ части общественнаго опредѣленія того же самого понятія.

Но сужденія объ одномъ и томъ же понятіи могутъ вообще различаться между собой только въ отношеніи къ тому, что подъ общественными опредѣленіями конкретной дѣйствительности, которыя входятъ въ содержаніе понятія, подразумѣвается, въ свою очередь, какъ подъ понятіями. Поэтому и понятія, входящія, какъ содер-

жаніе понятія, въ составъ нами взятыхъ сужденій, какъ частей одного полнаго общественнаго опредѣленія понятія, будутъ различаться, въ отношеніи другъ друга, по своему общественному содержанію, *какъ части одного цѣлаго* общественнаго содержанія понятія.

Та часть діалектики, т. е. науки, занимающейся законами соотносительнаго общественнаго существованія понятій, которая разсматриваетъ дѣленіе понятій, какъ дѣленіе одного полнаго общественнаго содержанія понятія, называется логикой.

Логика, такимъ образомъ, разсматриваетъ индивидуальныя сужденія, въ отношеніи къ формѣ общественнаго опредѣленія того же самого понятія, которое опредѣляется и въ сужденіи. Поэтому она даетъ основныя правила для индивидуальныхъ сужденій, гарантирующихъ ему полноту формы общественнаго опредѣленія понятія. Съ этой стороны къ ней, какъ къ формальной логикѣ, присоединяются также и внѣшнія правила, которыя учатъ: какъ вообще соотносить сужденія къ существующимъ въ наличности формамъ общественныхъ опредѣленій понятій и которыя, такимъ образомъ, обезпечиваютъ правильность и полноту сужденій при данныхъ условіяхъ.

Для разсмотрѣнія дѣленія понятій, какъ дѣленія одного полнаго общественнаго содержанія понятія, возьмемъ нашъ примѣръ, какъ примѣръ полнаго общественнаго опредѣленія понятія: Сократъ—греческій философъ, добродѣтельный, какъ членъ общества, какъ государственный человѣкъ и пр. рядъ научныхъ и популярныхъ опредѣленій Сократа.

Всѣ эти различныя понятія, входящія въ составъ содержанія понятія «Сократъ», въ общемъ, опредѣляющія его, играютъ, въ отношеніи къ нему и въ отношеніи другъ къ другу, различную роль. Понятіе «философъ» опредѣляетъ конкретную дѣйствительность, значущуюся подъ понятіемъ «Сократъ», *непосредственно чрезъ себя, какъ чрезъ болѣе общее понятіе.* Но, на ряду съ нимъ, понятіе греческій, какъ *еще болѣе* общее понятіе, чѣмъ понятіе философъ, въ смыслѣ непосредственнаго опредѣленія конкретной дѣйствительности, теряетъ всякое значеніе. Какъ общее понятіе, понятіе философъ, опредѣляя понятіе Сократъ, обобщаетъ часть конкретной дѣйствительности, значащейся подъ нимъ съ рядомъ другихъ частей

конкретной дѣйствительности; понятіе же греческій, какъ еще болѣе общее, чѣмъ понятіе философъ, обобщитъ *еще большее количество* частей конкретной дѣйствительности съ той частью ея, которая означается понятіемъ Сократъ.

Такимъ образомъ, самостоятельно взятое, это опредѣленіе, *какъ менѣе точное* опредѣленіе, чѣмъ опредѣленіе чрезъ понятіе философъ, теряетъ тогда смыслъ, *но оно пріобрѣтаетъ значеніе на ряду и одновременно съ понятіемъ философъ, въ одномъ отношеніи съ нимъ, къ понятію Сократъ, ибо оно тогда пополняетъ значеніе понятія философъ и дѣлаетъ его конкретнымъ до конкретности понятія Сократъ, и отличаетъ его отъ всякаго другого понятія, обобщеннаго вмѣстѣ съ нимъ болѣе общимъ понятіемъ—философъ.*

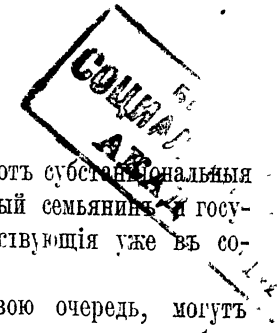
Такимъ образомъ, понятіе «греческій» опредѣляетъ конкретную дѣйствительность, значащуюся подъ понятіемъ «Сократъ», въ этомъ отношеніи *не непосредственно, а опредѣляя понятіе философъ.*

И въ то время, *какъ понятіе философъ обобщаетъ конкретную дѣйствительность, означаемую понятіемъ Сократъ. съ другими частями конкретной дѣйствительности, понятіе греческій, наоборотъ, отдѣляетъ, конкретизируя, матеріальную дѣйствительность, значащуюся подъ понятіемъ Сократъ, отъ всякой другой части матеріальной дѣйствительности, обобщенной понятіемъ философъ. Такимъ образомъ, собственно, опредѣленія матеріальной дѣйствительности, входящія въ содержаніе понятія Сократъ распадаются на опредѣленія ея чрезъ обобщенія и на опредѣленія ея чрезъ отличіе.*

Въ цѣломъ, оба эти понятія опредѣляютъ предметъ природы, соотвѣтствующій опредѣляемому понятію, а не опредѣляютъ свойства этого предмета (уже чрезъ предыдущее опредѣленіе, такимъ образомъ, имѣющагося въ наличности).

Поэтому мы причисляемъ оба эти понятія къ субстанціональнымъ опредѣленіямъ. А вслѣдствіе этого и сужденія, въ отношеніи къ этой категоріи понятій, принимаютъ опредѣленіе *субстанціональныхъ сужденій.*

Но, кромѣ этихъ субстанціональныхъ понятій, опредѣляющихъ собою субстанціональныя сужденія, въ полномъ общественномъ содержаніи понятія имѣются еще и такія понятія, которыя опредѣляютъ



свойства того предмета, на который указываютъ субстантиональныя понятія. Такія опредѣленія, какъ добродѣтельный семьянинъ и государственный человѣкъ и пр дополняютъ, существующія уже въ содержаніи понятія, опредѣленія предмета.

Эти опредѣленія свойствъ предмета, въ свою очередь, могутъ состоять изъ нѣсколькихъ понятій, изъ которыхъ одно можетъ быть менѣе абстрактное, а другое болѣе; тогда менѣе абстрактное пріобрѣтаетъ смыслъ лишь какъ добавленіе этого болѣе абстрактнаго до опредѣленной степени конкретности. Иного смысла опредѣленіе менѣе абстрактное рядомъ съ болѣе абстрактнымъ не можетъ имѣть.

Что же касается болѣе детальнаго, логическаго подраздѣленія этихъ опредѣленій *свойствъ предмета, входящихъ въ содержаніе какого-либо одного понятія*, а именно, подраздѣленіе ихъ на категоріи качества количества, отношенія и модальности, то оно требуетъ еще предварительнаго анализа формальнаго представленія природы. Поэтому мы къ этому подраздѣленію вернемся лишь послѣ анализа формальнаго представленія природы. Мы можемъ это сдѣлать, не нарушая въ общемъ картину общественнаго соотношенія понятій, такъ какъ опредѣленія *свойствъ* предмета въ общественномъ содержаніи понятія могутъ и совсѣмъ отсутствовать.

III.

Общественная система понятій.

Теперь мы снова перейдемъ къ разсмотрѣнію общественнаго соотношенія понятій, къ которому всегда приводитъ анализъ содержанія индивидуальныхъ сужденій, и посмотримъ, какъ это соотношеніе обрисуется предъ нами, при выше уже сдѣланномъ дѣленіи содержанія понятія.

Въ общественной формѣ опредѣленія понятія «Сократъ—греческій философъ», чрезъ равенство двухъ членовъ этого отношенія видно, что *понятіе «греческій» дополняетъ общее понятіе «философъ», до конкретности понятія «Сократъ»*.

Но, такимъ образомъ, понятіе «философъ» является не только болѣе

общимъ понятіемъ въ отношеніи къ понятію «Сократъ», но оно дѣлается общимъ въ *нѣкоторой опредѣленной послѣдовательности*, на которую указываетъ понятіе «греческій».

Такимъ образомъ понятіе философъ обрисовывается въ общественной сферѣ понятій, въ отношеніи къ понятію Сократъ, понятіемъ *послѣдовательной абстракціи*. Но понятіе философъ, въ общественной формѣ опредѣленія понятія Сократъ, *рядомъ съ другими его опредѣленіями, было понятіемъ, опредѣляющимъ матеріальную дѣйствительность чрезъ обобщеніе. Такимъ образомъ формой опредѣленія матеріальной дѣйствительности чрезъ обобщеніе является понятіе послѣдовательной абстракціи, въ отношеніи къ опредѣляемому понятію.*

Въ противоположность непосредственному опредѣленію матеріальной дѣйствительности, чрезъ обобщеніе, опредѣленія чрезъ отличіе, опредѣляютъ *послѣдовательность въ абстракціи* понятія опредѣляющаго матеріальную дѣйствительность чрезъ обобщеніе, но сами по себѣ, не являются понятіями послѣдовательной абстракціи въ отношеніи къ опредѣляемому понятію.

Вотъ почему послѣ разсмотрѣнія соотносительнаго значенія понятій, въ отношеніи другъ къ другу, какъ частей одного общественнаго содержанія понятія, при переходѣ къ общей картинѣ одновременнаго совокупнаго общественнаго существованія понятій, выясняется, и смыслъ существованія въ обществѣ понятія болѣе общаго одновременно съ понятіемъ послѣдовательно, болѣе конкретнаго. *Послѣднее, очевидно, постолько имѣетъ общественное значеніе, поскольку оно выражаетъ матеріальную дѣйствительность послѣдовательно конкретнѣе, чѣмъ болѣе общее понятіе.* И эта *послѣдовательная* его конкретность выражается чрезъ понятія, которыя принадлежатъ *къ отличительнымъ опредѣленіямъ*. Такъ, въ нашемъ примѣрѣ понятіе Сократъ, очевидно, постолько имѣетъ общественное значеніе, поскольку оно выражаетъ конкретную дѣйствительность конкретнѣе, чѣмъ понятіе философъ.

Но въ сужденіи каждое изъ опредѣленій понятія, имѣетъ значеніе лишь постолько, поскольку выяснено, въ свою очередь, его общественное содержаніе, какъ общественно существующаго понятія. Переходя теперь къ этому содержанію опредѣленій понятія, т. е. опредѣляя эти опредѣленія, въ свою очередь, какъ понятія, мы увидимъ, *что понятіе опредѣляющее матеріальную дѣйстви-*

тельность чрезъ обобщеніе, т. е. понятіе послѣдовательной абстракціи въ отношеніи къ опредѣляемому понятію, будетъ имѣть постольку значенія, поскольку, въ свою очередь, будетъ опредѣляться чрезъ понятіе послѣдовательной же абстракціи, т. е. будетъ опредѣляться чрезъ опредѣленіе, обобщающее его и рядъ отличительныхъ его опредѣленій. Эти послѣднія всегда дополняютъ непосредственное опредѣленіе матеріальной дѣйствительности чрезъ обобщеніе до конкретности опредѣляемаго понятія и, кромѣ того, отдѣляютъ матеріальную дѣйствительность отъ всякой другой, обобщаемой вмѣстѣ съ нимъ понятіемъ послѣдовательной, абстракціи. Но и это послѣднее понятіе послѣдующей абстракціи въ отношеніи къ опредѣляемому понятію будетъ, въ свою очередь, опредѣляться чрезъ понятіе послѣдовательной уже къ нему абстракціи и рядъ отличительныхъ свойствъ и т. д.

Если мы перенесемъ, только что сказанное, на нашъ примѣръ, то увидимъ, что въ то время, какъ понятіе «Сократъ» опредѣляется чрезъ понятіе, послѣдовательной въ отношеніи къ нему абстракціи, «философъ» + отличительное понятіе; «философъ» опредѣляется чрезъ понятіе, послѣдовательной въ отношеніи къ нему абстракціи, «человѣкъ» + опять-таки отличительныя понятія, понятіе «человѣкъ» опредѣляется чрезъ понятіе послѣдовательной въ отношеніи къ нему абстракціи «животное» + снова опредѣленныя отличительныя понятія; животное опредѣляется чрезъ понятіе послѣдующей за нимъ абстракціи «существо» и пр.

Т. е. въ общественной сферѣ существованія понятій. мы увидимъ цѣлый рядъ понятій, изъ которыхъ каждое послѣдующее является въ опредѣленной послѣдовательности, на которую указываютъ отличительныя понятія, болѣе общимъ, чѣмъ предыдущее.

Идя обратно отъ послѣдовательно болѣе общихъ къ болѣе частнымъ понятіямъ, существующимъ одновременно въ общественной сферѣ существованія понятій, внѣ зависимости отъ сферы одного общественнаго опредѣленія понятія, мы получаемъ слѣдующую картину общественнаго существованія понятій.

Одно общее понятіе распадается на рядъ понятій опредѣленной послѣдовательной въ отношеніи къ нему конкретности, которыя оно собою обобщаетъ и которыя, въ свою очередь, могутъ всѣ существовать только въ отношеніи къ этому болѣе общему понятію. Но

каждое изъ этихъ конкретныхъ понятій имѣетъ общественное незначеніе, одновременно съ общимъ постолько, посколько въ содержанія его, рядомъ съ этимъ общимъ понятіемъ, входятъ отличительныя опредѣленія, устанавливающія, съ одной стороны, послѣдовательность его конкретности, а съ другой стороны отличающія его отъ всякаго другого понятія, которое обобщено на ряду съ нимъ, чрезъ одно и то же послѣдовательно, болѣе чѣмъ оно—общее понятіе. Затѣмъ каждое изъ этихъ конкретныхъ распадается въ свою очередь на рядъ еще болѣе конкретныхъ понятій (и притомъ послѣдовательно конкретныхъ, на что указываютъ отличительныя опредѣленія), которыя оно собою обобщаетъ, какъ одно общее понятіе и т. д.

Такимъ образомъ, предъ нами теперь обрисовывается не только относительность существованія понятій, но *опредѣленная законозависимая относительность*, или проще сказать, предъ нами теперь обрисовалась цѣлая общественно существующая *система понятій*.

Слѣдуя въ общемъ по намѣченному ранѣе пути отъ болѣе сложнаго къ простѣйшему понятію, для выясненія причино-зависимаго существованія понятій, наиболѣе цѣлесообразнымъ выясняется теперь, слѣдовать по пути понятій общественно существующихъ, одно въ отношеніи къ другому, въ послѣдовательной абстракціи.

Ибо, если мы отыщемъ причинозависимое существованіе простѣйшаго понятія, то, постепенно осложняя это простѣйшее рядомъ отличительныхъ опредѣленій (такъ какъ на осложненіе указываютъ только отличительныя опредѣленія), которыми осложняются послѣдовательно болѣе конкретныя понятія, мы легко можемъ тогда получить какое угодно конкретное понятіе.

Но пройти чрезъ рядъ общественно существующихъ понятій, изъ которыхъ каждое предыдущее относится къ послѣдующему, какъ къ понятію послѣдовательно болѣе абстрактному, можно только, пройдя чрезъ ряды общественныхъ опредѣленій понятій.

Каждая объективно-общественно существующая, форма общественнаго опредѣленія, какъ мы уже знаемъ, есть отношеніе равенства двухъ членовъ этого отношенія—опредѣленнаго понятія и всего совокупнаго его содержанія.

Оба эти члена отношенія существуютъ условно въ равныхъ отношеніяхъ другъ къ другу и чрезъ это могутъ быть опредѣляемы одинъ другимъ. Но, чтобъ это ихъ равное отношеніе существовало,

въ нихъ должно быть что-либо *общее* или, выражаясь традиціоннымъ философскомъ терминомъ, въ нихъ должно существовать что-либо *единое*.

Такимъ образомъ, собственно, форма общественнаго опредѣленія понятія—формальное выраженіе равенства опредѣляемаго понятія и его содержанія, есть *общный* видъ общественно-существующихъ понятій, каждое изъ которыхъ, слѣдовательно, является *особымъ конкретнымъ выраженіемъ этого ихъ общнаго вида*.

Этотъ, однако, общный видъ понятій будетъ состоять все изъ болѣе и болѣе абстрактныхъ понятій, по мѣрѣ того, какъ опредѣленія послѣдовательно будутъ переходить къ опредѣленіямъ все болѣе и болѣе общихъ понятій.

И такимъ образомъ, на этомъ пути всѣ понятія, различной степени общности, обрисуются различными по степени общности условными выраженіями этого ихъ общнаго вида.

Если мы перейдемъ теперь къ самому абстрактному понятію *въ системѣ* понятій, иначе сказать, къ самому общему формальному выраженію того единаго, которое послѣдовательно все въ болѣе и болѣе общной своей формѣ выражалось въ рядахъ общественныхъ формъ опредѣленій понятій, то такимъ самымъ абстрактнымъ понятіемъ будетъ понятіе *предмета*.

Это понятіе, обобщающее собою весь формально существующій міръ понятій, можетъ опредѣлиться, въ свою очередь, и непосредственно чрезъ матеріальную дѣйствительность.

IV.

Понятіе о матеріальной дѣйствительности.

Матеріальная дѣйствительность это то, что индивиду представляется чрезъ непосредственную форму его матеріальнаго отношенія къ этому представляемому, или, просто то, отъ чего онъ получаетъ ощущенія.

Матеріальная дѣйствительность, или, то, отъ чего индивидъ получаетъ ощущенія, является для него *ранѣе опредѣленія* этого представленія ея и *поэтому предшествуетъ, значитъ, всякой формѣ мысли вытекающей изъ него*

Она просто является для индивида какъ, въ различную матеріальную *форму* объективированное, нѣчто.

Именно таковой матеріальная дѣйствительность обрисовывается, въ равномъ отношеніи, къ самому общему понятію, понятію предмета, т. е. она является просто-на-просто какъ нѣчто то, что еще будетъ подлежать тому или другому практическому или теоретическому познанію индивида, а, значитъ, будетъ еще только подлежать его опредѣленію, въ результатѣ котораго и получится опредѣленная мысль.

Потому-то представленіе матеріальной дѣйствительности или просто то, что мы называемъ матеріальной дѣйствительностью не надо смѣшивать съ какими-либо формами пониманія ея или формами ея опредѣленія.

Формально мы можемъ сказать, что матеріальная дѣйствительность, какъ то, чѣмъ опредѣляется самое общее понятіе въ системѣ понятій, понятіе предмета, является абстрагированной отъ всѣхъ своихъ конкретныхъ качествъ, такъ какъ она взята безотносительно къ какимъ-либо частнымъ понятіямъ, которыя эти свойства выразили бы (такъ какъ эти частныя понятія и являются формами опредѣленія уже имѣющейся налицо матеріальной дѣйствительности, т. е. того, отъ чего индивидъ получаетъ ощущенія).

Опредѣляя понятіе, предметъ чрезъ эту матеріальную дѣйствительность, мы увидимъ, что оно приложимо ко всей ей въ цѣломъ и одновремменно оно приложимо къ различнымъ ея частямъ, т. е. мы увидимъ, что матеріальная дѣйствительность объективируется различно. То мы можемъ охватить ее въ одно цѣлое представленіе предмета, то мы объективируемъ части этого цѣлаго представленія и каждую изъ нихъ представляемъ отдѣльными предметами.

Такимъ образомъ матеріальная дѣйствительность, съ точки зрѣнія исключительно ея предметнаго пониманія, обрисовывается различно. И само предметное пониманіе представляется лишь *условной формой ея пониманія.*

Это формально предметное пониманіе природы само собой предполагаетъ границы каждаго ея предмета, т. е. рисуетъ предметъ природы обязательно граничащимъ рядомъ съ другимъ предметомъ (если же граничащаго представленія нѣтъ налицо, то матеріальная дѣйствительность обрисовывается безграничной — представленіе, которое вытекаетъ изъ наличности представленія ограниченной матеріальной дѣйствительности). Общее выраженіе такого раздѣльнаго,

ограниченнаго представленія матеріальной дѣйствительности всей или ея части называется *пространственнымъ ея представленіемъ.*

Такъ какъ понятіе предметъ приложимо ко всей матеріальной дѣйствительности въ цѣломъ и къ каждой ея части, то и пространство обрисовывается, такимъ образомъ, во всемъ цѣломъ, т. е., какъ одно *непрерывное* пространство, и одновременно обрисовывается въ различныхъ своихъ пространственныхъ частяхъ, а потому можетъ быть представлено, какъ совокупность своихъ частей, т. е. обрисовается, какъ *дѣлимое.*

V.

Общая форма соотношенія понятій и формъ матеріальной дѣйствительности.

Спрашивается теперь, гдѣ искать намъ основанія для опредѣленнаго (того, а не иного) пространственнаго объема представленія того, отъ чего мы получаемъ ощущенія, или иначе, чѣмъ опредѣляется въ свою очередь, форма *пространственнаго* представленія матеріальной дѣйствительности.

Можно заранѣе сказать, до болѣе детальнаго анализа формъ представленія матеріальной дѣйствительности (къ которому мы сейчасъ перейдемъ), что основанія формальнаго пространственнаго представленія этой матеріальной дѣйствительности, при такомъ ея одновременно противорѣчивомъ представленіи, не могутъ опредѣлиться только чрезъ анализъ этихъ формъ ея представленія. Этотъ анализъ именно констатируетъ противорѣчивость представленія матеріальной дѣйствительности.

Пока формально—намъ остается лишь тотъ внѣшній фактъ, что формы тѣ, а не другія объективированной природы будутъ зависѣть исключительно отъ того, къ какой части природы мы отнесемъ это общее понятіе предметъ. Поэтому формально мы можемъ сказать, что представленіе матеріальной дѣйствительности обратно *относительно* къ общему понятію «предметъ», *т. е., что формальное наше представленіе природы обрисовывается въ свою очередь зависимымъ и опредѣляющимся предметнымъ пониманіемъ ея.*

Итакъ, отъ анализа объективно-общественнаго существованія понятій, мы перешли къ анализу формъ представленія природы, который, въ свою очередь, очевидно, переходитъ въ анализъ равнаго *взаимоотносительнаго* существованія понятій и формъ представленія природы, т. е. въ анализъ общаго вида того и другого.

Если выяснятся основанія для возможности существованія этого равнаго взаимоотношенія, то этимъ самымъ вмѣстѣ съ тѣмъ выяснятся основанія и для существованія обоихъ членовъ этого соотношенія, какъ другъ друга обусловливающихъ формъ.

Но къ матеріальной дѣйствительности приложимо не только самое общее понятіе «предметъ». Весь міръ болѣе частныхъ понятій существуетъ въ соотвѣтствіи къ тѣмъ частямъ матеріальной дѣйствительности или ко всей ей въ цѣломъ, на которыя они, какъ частныя понятія, указываютъ.

Вотъ почему систематически расположенное общественное существованіе понятій обрисовывается еще и абстрактнымъ указаніемъ на тотъ путь, посредствомъ котораго одна матеріальная дѣйствительность можетъ опредѣлиться посредствомъ другой, какъ равная ей, т. е. система понятій обрисовывается указывающей возможный эмпирическій путь приложенія обобщеній или приложенія накопленныхъ знаній.

Напомнимъ читателю, что въ нашемъ изложеніи, мы придерживались только догматической точки зрѣнія, производящей анализъ надъ тѣми понятіями, общественное содержаніе которыхъ имѣется на лицо и которыя она беретъ, какъ имѣющимися данными въ обществѣ. Пока мы останавливаемся именно на ней, такъ какъ она выясняетъ систематически общую законозависимую картину, какъ существующихъ понятій, такъ, какъ сейчасъ увидимъ, и законозависимую картину формъ систематическаго формальнаго представленія природы. То и другое не можетъ быть выпущено философіей, такъ какъ эти законы нашей мысли и нашего представленія природы являются единственнымъ орудіемъ, замѣняющимъ ей эмпирическую очевидность, въ опредѣленіи объекта въ его раздѣльности отъ другихъ и его внутренней цѣльности.

Разсматривая пока чисто формально полученное равное взаимоотношеніе, однимъ изъ членовъ котораго является представленіе

матеріальной дѣйствительности, а другимъ—понятіе о ней, мы можемъ сказать, что существованіе этого равнаго взаимоотношенія можетъ опять-таки только тогда, когда каждый изъ нихъ выражаетъ быть собою что-либо общее имъ обоимъ, т. е., слѣдовательно, что и это взаимоотношеніе есть внѣшній общный видъ того и другого члена этого соотношенія.

Если остановиться въ изслѣдованіи на этомъ внѣшнемъ общномъ видѣ, то именно его и придется принять за объединяющій принципъ, обусловливающій собою раздѣльный общный видъ существованія какъ понятій, такъ и формальной природы.

И такъ какъ форма общественнаго опредѣленія понятія обрисовывается съ внѣшней стороны одной изъ формъ общественной мысли въ противупоставленіи *сужденіямъ*, то рядъ общественныхъ опредѣленій понятій, рядъ выраженій общаго вида, расположенныхъ по степени ихъ, послѣдовательной общности, обрисуется рядомъ послѣдовательныхъ по общности объективно-существующихъ мыслей о матеріальной дѣйствительности. Самое же общее формальное опредѣленіе, къ которому мы сейчасъ пришли: понятіе «предметъ» опредѣляется непосредственно чрезъ всю матеріальную дѣйствительность, а также и чрезъ каждую ея часть и обратно обрисовывается, слѣдовательно, съ внѣшней стороны, самой общей формой мысли о матеріальной дѣйствительности въ системѣ общественно-существующихъ мыслей, т. е., значитъ, такой, которая содержитъ въ себѣ всѣ другія.

Естественно было эту внѣшнюю форму, въ которой вырисовывается форма самого абстрактнаго опредѣленія понятія, т. е. самую общую объективно существующую форму мысли въ системѣ формъ общественныхъ мыслей, и принимать, въ началѣ философскаго размышленія, за это единое, которое условно выражается, то въ формальныхъ представленіяхъ природы, то въ понятіяхъ, но которое находится за предѣлами того и другого и въ формѣ общественныхъ опредѣленій проявляется въ этой безусловной общной, но внѣшней ему формѣ.

Такъ именно и сдѣлала прежде всего греческая философія, которая впервые систематизировала наши формы представленія и знанія о природѣ.

Но можно еще, за внѣшнимъ выраженіемъ этого формальнаго общнаго вида природы и понятій, т. е. за внѣшней формой ихъ

соотношенія, искать то внутреннее ихъ содержаніе, которое соединяетъ эти два члена отношенія въ ихъ общный видъ.

И тогда отысканіе этого внутренняго принципа, обусловливающаго весь общій и частный матеріалъ философскаго изслѣдованія, и явится, такимъ образомъ, основнымъ пунктомъ этого изслѣдованія.

Но прежде, чѣмъ переходить къ рѣшенію вопроса, который естественно вытекаетъ изъ этой предварительной систематизаціи сырого матеріала философскаго изслѣдованія, т. е. вопроса, что находится внѣ предѣловъ нашихъ условныхъ формъ представленія и пониманія природы и къ указанію К. Маркса на возможность его матеріалистическаго обоснованія, приходится еще детальнѣе разсмотрѣть формы нашего представленія природы, которыхъ мы не разсматривали въ ихъ соотносительности и зависимости другъ отъ друга.

VI.

Зависимость пространственнаго представленія матеріальной дѣйствительности.

Мы видѣли раньше, что пространственная *цѣлостная* форма представленія матеріальной дѣйствительности есть лишь *относительная* форма ея представленія, т. е. мы можемъ, какъ одно пространственное цѣлое, объективировать какую-либо часть или всю матеріальную дѣйствительность и одновременно мы можемъ представлять, какъ одно цѣлое, какую-либо часть ранѣе взятаго цѣлаго и, такимъ образомъ, значитъ, объективировать эту часть раздѣльно отъ другихъ ея частей.

Но какъ слѣдствіе одновременности объективизаціи цѣлаго и его части, мы объективируемъ одновременно другую часть этого цѣлаго, пространственно добавляющую часть цѣлаго, взятую представленіемъ изолированно до всего цѣлаго, какъ рядомъ лежащую и граничащую съ первой взятой частью.

Такимъ образомъ мы, напримѣръ, представляемъ одновременно съ представленіемъ цѣлаго и его части и положеніе этой части въ цѣломъ, т. е. представляемъ пространство между границами цѣлаго и границами разсматриваемой части его, которое будетъ ничѣмъ

инымъ, какъ опять-таки пространственнымъ представленіемъ матеріальной дѣйствительности.

Но тогда при единовременности представленія *цѣлаго предмета природы и его частей*, мы представляемъ *эти части цѣлаго однѣ рядомъ съ другими*, почему и цѣлое представляется намъ одновременно и *какъ непрерывное цѣлое и какъ совокупность его рядомъ лежащихъ и граничащихъ другъ съ другомъ опредѣленныхъ частей.*

Но съ другой стороны это цѣлое можетъ и само намъ одновременно представляться, какъ часть пространственно бо̀льшаго цѣлаго, а поэтому можетъ представляться, какъ одна часть этого пространственно бо̀льшаго цѣлаго рядомъ съ другими его частями.

Такимъ образомъ, всѣ наши пространственныя формы представленія, при ихъ одновременномъ совокупномъ существованіи, во-первыхъ, обрисовываются въ опредѣленномъ пространственномъ соотношеніи другъ къ другу; во-вторыхъ, такъ какъ нѣкоторыя относительныя пространственныя формы нашего представленія природы вытекаютъ *изъ наличности* другихъ, то ихъ одновременное соотносительное существованіе обрисовывается зависимымъ одно отъ другого.

VII.

Временное представленіе матеріальной дѣйствительности.

A.

Понятіе о времени и границахъ времени.

Но предметы представляются намъ не только одновременно, въ опредѣленныхъ пространственныхъ границахъ, одни рядомъ съ другими; мы ихъ представляемъ также въ постоянномъ измѣненіи ихъ пространственныхъ формъ.

Т. е. одновременно съ пространственнымъ представленіемъ предмета въ прошедшемъ времени, мы представляемъ новое пространственное представленіе этого же самого предмета въ настоящее время. А поэтому, въ силу нашего законозависимаго пространствен-

наго представленія матеріальной дѣйствительности, одновременно представляемъ и *пространственную форму его измѣненія*, т. е. форму, лежащую между границами его настоящаго существованія и границами его прежней формы существованія.

Границы прежней пространственной формы существованія предмета, какъ отдѣленныя отъ пространственной формы его измѣненія, а также границы его новой пространственной формы существованія, какъ отдѣленныя отъ пространственной формы его продолжающагося пространственнаго измѣненія и, наконецъ, предполагаемыя границы его будущей пространственной формы существованія, какъ отдѣленныя отъ этою непрерывно продолжающагося его пространственнаго измѣненія, называются границами времени.

А временемъ, такимъ образомъ, называется само это пространственное измѣненіе предметовъ.

B.

Относительность временнаго представленія матеріальной дѣйствительности.

Пространственная форма измѣненія предметовъ природы будетъ представляться намъ въ границахъ времени. Само же время или измѣненіе безотносительно къ границамъ его, какъ настоящему, прошедшему и будущему времени, представляется безконечнымъ. Какъ таковое, оно продолжается непрерывно, и самыя его границы являются, съ этой точки зрѣнія, лишь относительными формами его представленія.

C.

Зависимость временнаго представленія однѣхъ формъ матеріальной дѣйствительности отъ другихъ.

Пространственныя формы измѣненія различныхъ, разсматриваемыхъ единовременно, предметовъ природы будутъ представляться

намъ различными. Поэтому мы, разсматривая единовременно формы измѣненія различныхъ предметовъ природы, можемъ пространственныя формы измѣненія однихъ предметовъ представлять въ границахъ одновременной пространственной формы измѣненія одного какого-либо предмета.

Но тогда нѣкоторые изъ взятыхъ единовременно предметовъ природы будутъ представляться намъ пространственно измѣняющимися, а нѣкоторые нѣтъ. Это будетъ зависѣть отъ того, перейдетъ или нѣтъ форма пространственнаго измѣненія единовременно представляемыхъ предметовъ за границы той пространственной формы измѣненіе какого-либо одного предмета, въ границахъ которой формы измѣненія другихъ предметовъ мы представляемъ.

Если форма измѣненія однихъ предметовъ природы перейдетъ за границу, взятой, такимъ образомъ, въ нашемъ представленіи за единицу измѣренія, *формы времени*, мы представляемъ, что предметъ природы пространственно измѣнился, если нѣтъ, то мы представляемъ его пространственно неизмѣнившимся.

Само собой это относится и тому частному случаю пространственнаго измѣненія, когда мы представляемъ измѣненіе положенія тѣла въ пространствѣ, т. е. къ движенію. Соотвѣтственно всему вышесказанному о представленіи предметовъ природы, въ опредѣленныхъ, принятыхъ за единицу измѣренія, границахъ времени, мы, такимъ образомъ, касаять и положенія тѣла въ пространствѣ, можемъ сказать, что оно будетъ представляться или въ покоѣ или въ движеніи.

Такимъ образомъ, о самомъ времени мы можемъ сказать то же, что и о пространствѣ, т. е. его мы представляемъ и какъ непрерывное и съ этой точки зрѣнія, какъ безконечное, но можемъ представлять его состоящимъ изъ совокупности его частей. Затѣмъ вслѣдствіе одновременности этого временного представленія различныхъ предметовъ природы, мы пространственную форму измѣненія однихъ предметовъ можемъ представлять въ зависимости отъ формы пространственнаго измѣненія какого-либо одного предмета. *Т. е. въ цѣломъ, вообще, мы разсматриваемъ пространственныя формы измѣненій однихъ предметовъ природы, въ зависимости отъ формы пространственнаго измѣненія другихъ предметовъ.*

VIII.

Система пространственнаго представленія матеріальной дѣйствительности.

До сихъ поръ мы разсматривали матеріальную дѣйствительность, въ формальномъ представленіи ея, безъ отношенія къ ней общественно-существующихъ понятій. Теперь мы попробуемъ освѣтить это ея зависимое формальное существованіе чрезъ равное отношеніе къ ней понятій.

Возьмемъ какое-либо понятіе и предположимъ, что намъ извѣстна матеріальная дѣйствительность, на которую предполагаемое понятіе указываетъ (какъ мы и дѣлали до сихъ поръ, производя анализъ надъ понятіями, общественное содержаніе которыхъ предполагали извѣстнымъ).

Возьмемъ хотя бы понятіе „человѣкъ". Одновременно съ этимъ взятымъ нами понятіемъ, мы можемъ отыскать среди общественно-существующихъ понятій, понятія, которыя указываютъ на такія части матеріальной дѣйствительности, *на которыя дѣлится только эта матеріальная дѣйствительность, подразумѣваемая подъ понятіемъ «человѣкъ»*, а не другая, т. е. только общественно опредѣленная данная матеріальная дѣйствительность.

Кромѣ того, мы можемъ отыскать еще и такія понятія, которыя указываютъ *на послѣдовательно пространственно меньшія части* матеріальной дѣйствительности, на которыя дѣлится только матеріальная дѣйствительность, подразумѣваемая подъ понятіемъ „человѣкъ".

Таковыми частями у насъ будутъ руки, ноги, голова, туловище и пр. Въ свою очередь каждая изъ этихъ частей дѣлится на *послѣдовательно* пространственно меньшія части, скажемъ, рука дѣлится на плечо, предплечье, кисть. Въ свою очередь каждая изъ этихъ частей дѣлится на части пространственно *послѣдовательно* меньшія—на опредѣленныя мышцы, кости, нервы, лимфатическіе сосуды и пр. пространственныя соотвѣтственныя части.

Теперь, предположимъ, дано опредѣленное пространственное цѣлое и дана опредѣленная часть этого пространственнаго цѣлаго. Скажемъ, дана опять-таки матеріальная дѣйствительность, на кото-

рую указываетъ понятіе „человѣкъ“, и дана матеріальная дѣйствительность, на которую указываетъ понятіе „рука“.

Если мы человѣка представимъ теперь въ его составныхъ элементахъ, то въ силу этихъ общихъ условій классификаціи представленій, мы рядомъ съ частью цѣлаго, въ данномъ случаѣ съ рукою, представимъ и другія части, пространственно добавляющія эту часть до цѣлаго, причемъ намъ придется взять эти части пространственно соотвѣтственными имѣющейся части—руки, т. е. намъ придется добавить къ ней туловище, ноги и пр. Но мы логически неправильно очертимъ объекты изслѣдованія, если скажемъ, напримѣръ, что человѣкъ состоитъ изъ руки + такія-то кости, такія-то мышцы и пр.

Такимъ образомъ у насъ получается такая картина одновременности представленія матеріальной дѣйствительности въ ея равномъ соотношеніи къ общественно-существующимъ понятіямъ.

Каждая форма представленія матеріальной дѣйствительности дѣлится на части *послѣдовательно* пространственно меньшія, чѣмъ она. *Притомъ это еще такія части, на которыя дѣлится только эта матеріальная дѣйствительность, какъ такая, на которую указываетъ отдѣльное понятіе въ системѣ понятій.* Въ свою очередь каждая изъ этихъ частей дѣлится на соотвѣтствующія, *исключительно* имъ, части послѣдовательно пространственно меньшія и т. д. *Т. е. у насъ получается цѣлая система одновременнаго пространственнаго представленія матеріальной дѣйствительности.*

Пространственно послѣдовательно меньшія части матеріальной дѣйствительности, на которыя дѣлится взятая пространственно большая матеріальная дѣйствительность, мы будемъ называть частями цѣлаго, пространственно другъ другу соотвѣтственными.

Разсматривая теперь снова равное соотношеніе формальнаго представленія матеріальной дѣйствительности и существующихъ понятій, мы можемъ добавить къ прежде сказанному, что зависимыя формы представленія матеріальной дѣйствительности, всѣ въ цѣломъ, какъ существующій фактъ, обусловливаютъ и пониманіе существованія *этой зависимости*, т. е. обусловливаютъ *понятіе* о ней. А это въ свою очередь обратно обусловливаетъ систематическое представленіе ея сообразно съ этимъ ея пониманіемъ.

Въ общемъ это пониманіе формально объективированной мате-

ріальной дѣйствительности, въ опредѣленномъ систематическомъ соотношеніи ея формальныхъ частей другъ къ другу, т. е. пониманіе матеріальной дѣйствительности въ опредѣленномъ классифицированномъ и цѣлостномъ видѣ, не даетъ возможности упустить изъ познанія *ни одну изъ особыхъ* формъ ея представленія. Потому что система представленія матеріальной дѣйствительности даетъ возможность изучить *не только всю матеріальную дѣйствительность* или точнѣе даетъ возможность существованію общественнаго познанія не только о всей матеріальной дѣйствительности (говоримъ общественнаго, ибо отдѣльный индивидъ не можетъ содержать въ себѣ всего ея познанія), *но даетъ возможность изучить ее во всевозможныхъ ея особыхъ формахъ представленія*, т. е. при совершенно различныхъ формахъ объективизаціи ея частей. *Каждая же изъ этихъ частей, въ своемъ существованіи и измѣненіи, имѣетъ для насъ одинаково важное значеніе особаго факта, какъ и все въ цѣломъ ея относительное формальное представленіе.*

IX.

Система временнаго представленія матеріальной дѣйствительности.

A.

Законозависимость временнаго представленія матеріальной дѣйствительности.

Измѣняющіеся и граничащіе другъ съ другомъ предметы, въ ихъ безпрерывномъ измѣненіи, будутъ представляться намъ взаимно измѣняющими границы другъ друга.

Если теперь съ этой цѣпью взаимно измѣняющихъ другъ друга предметовъ, *основываясь* на систематичности нашего формальнаго представленія природы, мы будемъ разсматривать измѣненіе одного какого-либо предмета, т. е. будемъ разсматривать его во времени, то его измѣненіе обрисуется въ зависимости отъ потенціи его измѣненія (потенціи зависимой отъ результатовъ предыдущихъ процессовъ взаимнаго измѣненія его съ другими граничащими предметами) и по-

тенціи измѣненія въ направленіи къ нему граничащихъ съ нимъ, въ настоящій моментъ, предметовъ, т. е. его *пространственная форма измѣненія будетъ ничѣмъ инымъ, какъ формальнымъ выраженіемъ непрерывнаго процесса взаимнаго измѣненія между нимъ и граничащими съ нимъ предметами, т. е. будетъ, значитъ, въ своемъ существованіи подчинена опредѣленной законозависимости.*

Такъ какъ каждую пространственную форму предмета, вслѣдствіе той же систематичной формальности нашего пространственнаго представленія матеріальной дѣйствительности, мы можемъ одновременно представлять себѣ, какъ совокупность пространственныхъ формъ (если вмѣстѣ съ цѣлымъ будемъ одновременно представлять одну или нѣсколько его частей), то поэтому и одинъ процессъ взаимнаго измѣненія граничащихъ другъ съ другомъ формъ, можно разсматривать, какъ совокупность процессовъ взаимнаго измѣненія между частями этихъ граничащихъ, измѣняющихся формъ.

Слѣдовательно, одинъ процессъ взаимнаго измѣненія *предмета* съ граничащими *предметами*, можно разсматривать, какъ процессъ взаимнаго измѣненія между *частями* этого предмета и *частями* предметовъ граничащихъ. Но этотъ процессъ измѣненія между однимъ цѣлымъ и граничащими съ нимъ цѣлыми предметами, нельзя разсматривать только какъ простую совокупность процессовъ одновременныхъ взаимныхъ измѣненій между частями этихъ предметовъ. *Это есть непрерывность этихъ процессовъ, разсматриваемыхъ всѣхъ одновременно, т. е. въ ихъ взаимномъ процессѣ ограниченія и измѣненія другъ друга (не однѣхъ частей другими, а процессовъ взаимнаго измѣненія между однѣми частями измѣняющихся предметовъ процессами между другими ихъ частями).*

А поэтому каждый изъ такихъ пространственно *частныхъ* процессовъ, одновременнаго взаимнаго измѣненія граничащихъ другъ съ другомъ, измѣняющихся пространственныхъ формъ, является, въ свою очередь, обусловленнымъ и зависимымъ отъ этой цѣлой формы одновременной совокупности всѣхъ процессовъ, ограничивающей и видоизмѣняющей его.

Допустимъ, что мы имѣемъ два граничащихъ цѣлыхъ A и B и что A состоитъ изъ частей a, b, c, d и пр., граничащихъ съ частями B—к, l, m, n и пр. (см. черт.).

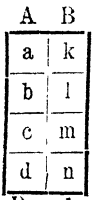


Рис. 1.

Такимъ образомъ процессъ взаимнаго измѣненія A и B надо разсматривать, не какъ простую совокупность процессовъ взаимныхъ измѣненій a — k, b—l, c — m, d—n и пр., а всю совокупность этихъ процессовъ надо разсматривать единовременно въ процессѣ ихъ взаимнаго измѣненія другъ друга.

B.

Система законозависимаго временнаго представленія матеріальной дѣйствительности и разсмотрѣніе законозависимаго существованія матеріальной дѣйствительности „во всѣхъ прочихъ равныхъ условіяхъ“.

Такъ какъ пространственное представленіе матеріальной дѣйствительности является формально систематическимъ представленіемъ ея, то и законозависимость ея существованія приходится разсматривать подчиненной этому систематическому ея формальному пространственному представленію.

Такимъ образомъ, разсматривая измѣняющійся предметъ природы въ его взаимодѣйствіи съ граничащими предметами, *мы еще прежде разсматриваемъ этотъ предметъ, какъ часть опредѣленнаго (того, а не другого) послѣдовательно* пространственно болѣе широкаго цѣлаго.

Такимъ образомъ частями, во взаимодѣйствіи съ которыми мы разсматриваемъ измѣненіе предмета, являются не вообще граничащія части, *а только части того болѣе широкаго цѣлаго, въ пространственномъ отношеніи къ которому, т. е. какъ часть его, мы разсматриваемъ данный предметъ природы.*

Причемъ эти части должны еще занимать пространственно *соотвѣтствующее другъ другу мѣсто въ системѣ нашихъ пространственныхъ формъ представленій*

Возможность же именно такого систематически законозависимаго разсмотрѣнія явленій выясняется изъ всего сказаннаго въ предыдущей подглавѣ A.

Чтобъ легче выяснить ее, возьмемъ примѣръ.

Возьмемъ человѣка, какъ составную часть общества. Предметами, граничащими съ нимъ, какъ таковымъ, т. е. *какъ съ*

частью общества и притомъ, въ пространственномъ отношеніи къ нему занимающими соотвѣтственно опредѣленное мѣсто въ системѣ пространственныхъ формъ представленій, будутъ или люди или вещи, чрезъ которые происходитъ его отношеніе къ другимъ людямъ.

Для простоты возьмемъ, граничащую съ человѣкомъ въ обществѣ, одну какую-либо общественную вещь. Какъ человѣкъ, такъ и граничащая съ нимъ вещь, являются еще каждый изъ нихъ частями своей опредѣленной среды. Притомъ *среда* человѣка, съ которой онъ составляетъ одно цѣлое, скажемъ А, такъ и *среда* граничащей съ нимъ вещи, съ которой эта послѣднія составляетъ цѣлое, скажемъ, В, очевидно находятся въ процессѣ взаимнаго измѣненія другъ друга. На это указываетъ прицессъ взаимнаго измѣненія ихъ частей, двухъ соціальныхъ цѣлыхъ, человѣка и граничащей съ нимъ вещи. Но тогда этотъ послѣдній процессъ взаимнаго измѣненія человѣка съ опредѣленной соціальной вещью является зависимымъ отъ цѣлой формы процесса взаимнаго измѣненія А и В., а слѣдовательно, какъ человѣкъ—одно соціальное цѣлое, такъ и граничащій съ нимъ предметъ, другое соціальное цѣлое, являются одинаково, *въ своемъ этомъ измѣненіи, зависимыми отъ цѣлаго процесса взаимодѣйствія А съ В., т. е. человѣкъ и граничащій съ нимъ другой предметъ, разсматриваемые въ этомъ процессѣ взаимодѣйствія, являются поставленными, какъ говорятъ, «въ прочія равныя условія»*.

Мы уже знаемъ, что придерживаться этой систематической классификаціи пространственнаго представленія матеріальной дѣйствительности *не только возможно, но и необходимо*, чтобъ охватить познаніе всей матеріальной дѣйствительности въ *ея различно объективированныхъ формахъ*.

Если практика опыта не указываетъ на части какого-либо цѣлаго, какъ пространственно соотвѣтственныя другъ другу въ системѣ формальнаго представленія природы, необходимо разсмотрѣть понятія, указывающія на части матеріальной дѣйствительности различной пространственной объемлемости. Среди нихъ надо найти такія понятія, которыя указываютъ на части матеріальной дѣйствительности послѣдовательно пространственно меньшія, чѣмъ матеріальная дѣйствительность, въ пространственномъ отношеніи къ которой мы хотимъ разсматривать предметы. И спускаться по этой лѣстницѣ

систематическаго послѣдовательно пространственнаго дѣленія матеріальной дѣйствительности слѣдуетъ до тѣхъ поръ, пока мы не подойдемъ въ этомъ дѣленіи до разсматриваемаго предмета. Части, граничащія съ этимъ предметомъ, на этой ступени нашего дѣленія матеріальной дѣйствительности, какъ входящія съ нимъ вмѣстѣ въ составъ пространственно болѣе широкаго цѣлаго и, будутъ, такимъ образомъ, согласно систематическому представленію природы пространственно соотвѣтственными въ отношеніи другъ другу.

C.

Послѣдовательно-систематическая конкретизація явленій, разсматриваемыхъ въ чистомъ видѣ.

Но, ставя изслѣдуемые взаимно измѣняющіе предметы въ такъ называемыя всѣ прочія равныя условія, мы этимъ самымъ констатируемъ зависимость взаимоизмѣненія изслѣдуемыхъ предметовъ именно отъ этихъ «всѣхъ прочихъ равныхъ условій».

Вотъ почему къ изслѣдованію этихъ «всѣхъ прочихъ равныхъ условій» и ихъ дѣйствію на разсматриваемое взаимоизмѣненіе граничащихъ предметовъ, мы должны перейти тотчасъ послѣ изслѣдованія этого взаимоизмѣненія, самого по себѣ, абстрагированнаго отъ этихъ, осложняющихъ и видоизмѣняющихъ его окружающихъ условій.

Въ нашемъ примѣрѣ мы брали два взаимоизмѣняющихъ другъ друга предмета—человѣка и другой какой-либо соціальный предметъ, брали ихъ притомъ, какъ предметы пространственно-соотвѣтственные другъ къ другу или иначе занимающіе опредѣленное соотвѣтственное другъ къ другу мѣсто въ системѣ нашихъ формъ пространственнаго представленія природы.

Но если мы, такимъ образомъ, брали ихъ въ соотвѣтствіи нашему систематическому представленію природы и на основаніи этого изслѣдовали законозависимость измѣненія каждаго изъ нихъ, то отсюда вытекаетъ необходимость еще прежде разсматривать ихъ въ отношеніи другъ къ другу, *какъ соотвѣтственныя части одного и того же пространственно болѣе широкаго цѣлаго.*

Включая теперь въ наше изслѣдованіе процесса взаимоизмѣненія человѣка съ окружающимъ его другимъ соціальнымъ предме-

томъ, всѣ прочія условія, осложняющія этотъ процессъ, мы собственно вводимъ въ изслѣдованіе, находящіяся въ процессѣ взаимоизмѣненія, *среду человѣка и среду граничащаго съ нимъ предмета. Этотъ послѣдній процессъ взаимоизмѣненія среды человѣка и среды другого предмета и процессъ взаимоизмѣненія человѣка съ граничащимъ соціальнымъ предметомъ*, должны быть теперь оба (процесса) разсмотрѣны нами, въ свою очередь, въ процессѣ взаимнаго измѣненія и ограниченія другъ друга.

Если мы каждый изъ этихъ двухъ взаимно измѣняющихъ другъ друга процессовъ выразимъ пространственно, то самый процессъ взаимоизмѣненія этихъ процессовъ можетъ быть выраженъ въ слѣдующей формулѣ изслѣдованія: человѣкъ плюсъ граничащій съ нимъ соціальный предметъ должны быть разсмотрѣны во взаимоотношеніи со средой человѣка плюсъ среда граничащаго съ нимъ соціальнаго предмета.

Но мы взяли человѣка въ общественномъ цѣломъ, ограниченномъ однимъ какимъ-либо общественнымъ предметомъ только для простоты примѣра. Въ общественномъ смыслѣ человѣкъ ограниченъ множествомъ различныхъ частей *общественнаго цѣлаго*, которыя, притомъ, вслѣдствіе движенія этихъ частей, являются однѣ на смѣну другимъ.

Поэтому, разсматривая человѣка, какъ общественное *цѣлое, намъ придется разсматривать его отношеніе ко всѣмъ частямъ общественнаго цѣлаго.*

Такимъ образомъ тѣми условіями, отъ которыхъ мы отвлекались, разсматривая человѣка въ отношеніи къ обществу, будутъ не только внѣобщественная среда человѣка + внѣобщественная среда граничащаго *одного какого-либо общественнаго предмета.* Но этими условіями должны были быть среда всѣхъ общественныхъ предметовъ или всего общества, въ отношеніи къ которому мы разсматривали человѣка. Такимъ образомъ и обратно—наше изслѣдованіе, какъ постепенно осложняющееся, отъ отношенія человѣка ко всему обществу или къ его различнымъ, взаимно измѣняющимъ свое положеніе, частямъ, *должно перейти къ окружающей внѣобщественной средѣ всѣхъ разсматриваемыхъ общественныхъ предметовъ или къ разсмотрѣнію среды всего общества. А затѣмъ надо изслѣдовать процессъ уже взаимодѣйствія общества и окружающей его среды.*

Но та же, опять-таки, систематичность пространственнаго представленія природы заставитъ насъ далѣе и общественное измѣненіе разсматривать въ зависимости отъ измѣненія рядомъ лежащихъ предметовъ, какъ пространственно соотвѣтственныхъ ему цѣлыхъ. А поэтому, чтобъ выяснить пространственно соотвѣтственные предметы, граничающіе съ общественнымъ цѣлымъ, мы должны будемъ взять его въ пространственномъ отношеніи къ опредѣленному пространственно болѣе широкому цѣлому.

Такъ какъ практика опыта или опытомъ провѣренная традиція не указываетъ намъ, въ отношеніи къ какому послѣдовательно пространственно большему цѣлому мы должны разсматривать общество, а значитъ и какое соотносительное пространственное цѣлое мы должны разсматривать въ процессѣ взаимоизмѣненія съ нимъ, то мы ищемъ въ общественно-существующей совокупности понятій понятіе, указывающее на матеріальную дѣйствительность, послѣдовательно пространственно большую, чѣмъ разсматриваемая матеріальная дѣйствительность— -общество. Такимъ понятіемъ является общественно-существующее понятіе *человѣчество*.

Въ пространственномъ отношеніи къ этой матеріальной дѣйствительности, человѣчеству, пространственно сотносительными предметами съ обществомъ будутъ другія или другое общество.

Поэтому къ изслѣдованію между общественнаго отношенія и должно перейти наше изслѣдованіе, какъ послѣдовательно-систематично осложняющееся.

Но и это изслѣдованіе между общественныхъ отношеній, построенное на базисѣ предварительнаго изслѣдованія общества въ его составныхъ элементахъ, а слѣдовательно, въ процессѣ ихъ взаимнаго измѣненія, является, въ свою очередь, изслѣдованіемъ явленія въ *относительно* чистомъ видѣ.

Если мы будемъ его (изслѣдованіе) разсматривать въ отношеніи ко всѣмъ прочимъ равнымъ условіямъ, измѣняющимъ каждое изъ обществъ, отъ которыхъ (условій) на этой ступени систематическаго изслѣдованія мы должны были абстрагироваться, то путемъ разсужденій въ общемъ своемъ видѣ подобнымъ предыдущимъ, мы также это изслѣдованіе въ относительно чистомъ видѣ осложнимъ изслѣдованіемъ отношенія всего человѣчества ко всей остальной природѣ.

Подобнымъ образомъ мы и вообще въ изслѣдованіи какой угодно области знанія будемъ переходить отъ простѣйшихъ ея явленій къ

болѣе сложнымъ. Причемъ чрезъ систематическое представленіе природы, мы съ одной стороны, будемъ имѣть широкій масштабъ, который широкія области познанія охватитъ одной формулой законозависимости, съ другой мы получаемъ соотвѣтственную систематическому представленію природы цѣлую *систему законозависимостей*, т. е. цѣлую *систему соотносительнаго временного представленія явленій*, гарантирующую намъ разсмотрѣніе явленій подъ однимъ и тѣмъ же угломъ зрѣнія.

Особеннаго вниманія и точности требуетъ при этомъ соціологическое изслѣдованіе, гдѣ теорія опыта замѣняетъ практическую очевидность.

Такъ, напримѣръ, изъ предыдущаго видно, что по нашему мнѣнію, въ соціологическомъ изслѣдованіи ошибочно всю матеріальную дѣйствительность дѣлить на двѣ, взаимоизмѣняющія другъ друга части, общество и всю остальную матеріальную дѣйствительность (сознательно или безсознательно дѣлается это, когда ставится законозависимость общественной эволюціи въ непосредственной зависимости отъ развитія орудій производства). Общество и вся остальная природа въ системѣ формальныхъ представленій не суть части пространственно-соотвѣтственныя.

Понятіе человѣчество указываетъ на матеріальную дѣйствительность послѣдовательно пространственно большую, чѣмъ матеріальная дѣйствительность, соотвѣтствующая понятію общества.

Общество (генерически опредѣляемое въ противоположность всякому союзу людей, основанному на кровномъ родствѣ, какъ опредѣленная постоянная или временная политическая организація), какъ мы выше сказали, по нашему мнѣнію, должна быть разсматриваема, *во взаимодѣйствіи съ другими обществами на почвѣ ихъ одновременнаго взаимодѣйствія со всей остальной окружающей природой.*

Съ этой точки зрѣнія наиболѣе полно освѣтится развитіе и возникновеніе и болѣе сложныхъ обществъ—государствъ (генезисъ которыхъ опредѣляется тѣмъ моментомъ, когда военно-организованныя скотоводческія организаціи осѣдаютъ на производительныя силы болѣе слабо, лишь временно военно-организованныя земледѣльческія организаціи) и дальнѣйшую связь и дѣйствіе этихъ прошедшихъ историческихъ моментовъ съ моментами настоящаго взаимодѣйствія государствъ между собою. Съ одной стороны, какъ госу-

дарствъ различныхъ культуръ, съ другой стороны, какъ военно-политическихъ организованныхъ цѣлыхъ.

Результаты этихъ прошедшихъ моментовъ и настоящихъ моментовъ между-общественнаго взаимодѣйствія, *на почвѣ ихъ одновременной борьбы съ природой*, даютъ освѣщеніе и болѣе частнымъ общественнымъ явленіямъ, какъ, напр., рентѣ, нормѣ прибыли и проч.

X.

Система причинозависимаго представленія матеріальной дѣйствительности.

A.

Понятіе о причинозависимости.

Если мы теперь одновременно съ цѣпью взаимоизмѣняющихъ другъ друга предметовъ будемъ представлять какой-либо одинъ предметъ въ *опредѣленныхъ границахъ времени* *), т. е. будемъ разсматривать какую-либо изъ его потенціальныхъ формъ существованія въ прошедшемъ, настоящемъ или будущемъ, *какъ данную*, то измѣненіе этой формы будетъ представляться зависимымъ отъ измѣненія въ отношеніи къ нему, *граничащихъ* съ нимъ предметовъ, т. е. *измѣненіе этихъ другихъ предметовъ явится причиной* измѣненія *данной* потенціальной формы существованія разсматриваемаго предмета. *Формы же изчѣненія граничащихъ предметовъ*, съ этой точки зрѣнія, явятся *причинами формы* измѣненія разсматриваемаго предмета.

Въ общемъ, такимъ образомъ измѣненіе предмета, разсматриваемаго съ этой точки зрѣнія, пріобрѣтаетъ опредѣленный формальный видъ, соотвѣтствующій нашему временному масштабу и, какъ таковое, оно обрисовывается подчиненнымъ опредѣленной *причинозависимости*, т. е. зависимости отъ *формальнаго* измѣненія граничащихъ предметовъ.

---

*) Тогда какъ раньше, при изслѣдованіи *законозависимаго* существованія и измѣненія явленій, мы разсматривали это измѣненіе предмета безотносительно къ какимъ-либо границамъ времени, просто какъ его измѣненіе.

B.

Система причинозависимаго представленія матеріальной дѣйствительности.

Если подобно тому, какъ при изслѣдованіи законозависимости измѣненія предметовъ природы, мы подчинимъ и изслѣдованіе причинозависимости ихъ измѣненія закону нашего пространственнаго представленія ихъ, то мы, такимъ образомъ, соотвѣтственно получимъ *систему нашего причинозависимаго временнаго представленія предметовъ природы.*

XI.

Форма соотношенія какой-либо одной опредѣленной формы матеріальной дѣйствительности къ понятіямъ.

До сихъ поръ мы, разсматривая взаимное соотношеніе понятій къ системѣ природы, исходили отъ понятій. Попробуемъ теперь начать нашъ анализъ этого взаимоотношенія отъ матеріальной дѣйствительности и перейдемъ отъ нея къ понятіямъ.

Данная матеріальная дѣйствительность какъ и понятіе, подлежащее опредѣленію, прежде всего, *опредѣляется субстанціонально,* т. е. опредѣляется въ своемъ равномъ отношеніи къ понятію послѣдовательно болѣе абстрактному, чѣмъ сама эта матеріальная дѣйствительность. Такимъ образомъ, она опредѣляется въ своемъ равномъ отношеніи къ систематически расположеннымъ понятіямъ, или опредѣляется въ своемъ главномъ отношеніи къ понятіямъ. Тогда данная матеріальная дѣйствительность, опредѣленная въ своемъ главномъ отношеніи къ системѣ понятій или субстанціонально опредѣленная, какъ тотъ, а не иной предметъ, начинаетъ *занимать* опредѣленное мѣсто въ нашемъ систематическомъ представленіи природы. Поэтому она будетъ находиться въ опредѣленномъ законозависимомъ пространственномъ отношеніи и соотношеніи къ другимъ формамъ матеріальной дѣйствительности, а слѣдовательно *ея пространственное измѣненіе будетъ подлежать*

разсматриванію въ опредѣленной системѣ законозависимостей и причинозависимостей.

Затѣмъ матеріальная дѣйствительность, какъ, опять-таки, таковая, т. е. въ главномъ субстанціональномъ отношеніи опредѣленная, опредѣляется въ своихъ свойствахъ чрезъ ряды понятій въ отношеніи къ ней непослѣдовательной абстракціи.

По мѣрѣ пространственнаго измѣненія матеріальной дѣйствительности, свойства эти ея могутъ мѣняться, т. е. опредѣляющія ихъ понятія могутъ исчезать и замѣняться другими, затѣмъ количество этихъ понятій можетъ увеличиваться. Но, несмотря на это, опредѣленіе ея, въ главномъ отношеніи къ понятіямъ, т. е. въ отношеніи къ системѣ понятій, а чрезъ это и въ отношеніи къ системѣ представленія природы или субстанціональное опредѣленіе матеріальной дѣйствительности, можетъ оставаться одно и то же.

Но на опредѣленной ступени своего безпрерывнаго *пространственнаго* измѣненія данная матеріальная дѣйствительность перестаетъ субстанціонально опредѣляться, чрезъ прежде опредѣляющее ее понятіе.

Субстанціонально (т. е. какъ таковую) ее начинаетъ опредѣлять совершенно другое понятіе, никакой связи съ предыдущимъ не имѣющее. *Т. е. она начинаетъ соотвѣтствовать совершенно другому понятію въ системѣ понятій. Или, какъ иначе, проще, говорятъ—на опредѣленной ступени своего пространственнаго измѣненія, матеріальная дѣйствительность не только измѣняется, но дѣлается совершенно другой.*

Но тогда она начинаетъ занимать и другое мѣсто въ нашей системѣ представленія природы, т. е. ее придется намъ разсматривать въ ея пространственномъ отношеніи и соотношеніи съ другими предметами, а вмѣстѣ съ тѣмъ придется и самое дальнѣйшее ее измѣненія разсматривать въ другой системѣ законозависимостей: это именно потому, что понятія, освѣщающія систематичность нашего пространственнаго отношенія и соотношенія матеріальной дѣйствительности, указываютъ теперь на совершенно другую систему соотношеній, ничего не имѣющую общаго съ первой, т. е., значитъ, на опредѣленной ступени своего пространственнаго измѣненія, матеріальная дѣйствительность измѣняетъ свое мѣсто и въ общей системѣ формъ представленія природы.

Такимъ образомъ про матеріальную дѣйствительность мы можемъ сказать, что она постепенно и непрерывно пространственно измѣняется. Въ отношеніи же къ понятіямъ, субстанціонально ее опредѣляющимъ, въ системѣ понятій, мы можемъ сказать, что она измѣняется діалектически, т. е. относительно, соотвѣтствуя то тому, то совершенно иному, опредѣляющему ее субстанціонально понятію, т. е. на опредѣленной ступени своего пространственнаго измѣненія она дѣлается совершенно иной. А тогда и ея дальнѣйшее пространственное измѣненіе начинаетъ разсматриваться въ другой системѣ законозависимостей, чѣмъ оно разсматривалось раньше. Такъ, напр., безпрерывно пространственно измѣняющійся человѣкъ, безпрерывно мѣняющій свои свойства, на опредѣленной степени своего пространственнаго измѣненія перестаетъ быть человѣкомъ и начинаетъ быть разсматриваемъ нами въ совершенно другой системѣ законозависимостей къ окружающему.

VII.

Общій взглядъ на одновременное соотносительное существованіе системы формальнаго продставленія и системы формальнаго пониманія матеріальной дѣйствительности.

Окидывая теперь общимъ взглядомъ соотносительное существованіе системы формальнаго представленія матеріальной дѣйствительности и системы ея формальнаго пониманія, мы можемъ сказать, что: система *формальнаго знанія* о матеріальной дѣйствительности содержитъ въ себѣ болѣе или менѣе обще формулированное знаніе о *различно объективированныхъ частяхъ матеріальной дѣйствительности или предметахъ природы.* Причемъ, чѣмъ болѣе обще формулировано знаніе, тѣмъ оно соотвѣтствуетъ большему множеству предметовъ природы и большему множеству болѣе конкретныхъ понятій, конкретное содержаніе которыхъ оно соединяетъ собою.

И наоборотъ, чѣмъ знаніе формулировано конкретнѣе, менѣе обще, тѣмъ, слѣдовательно, понятіе конкретнѣе, тѣмъ оно соотвѣтствуетъ меньшему множеству предметовъ природы и меньшему множеству понятій.

Система же природы формально обрисовываетъ законозависимую и причинозависимую систему совмѣстнаго одновременнаго существованія и измѣненія этихъ, различно объективированныхъ частей природы (о каждомъ изъ которыхъ имѣется знаніе въ общественной системѣ понятій). Обрисовываетъ ихъ одновременное существованіе и измѣненіе при томъ условіи, что каждая изъ особо формально объективированныхъ частей, именно какъ таковая, находится въ опредѣленной зависимости отъ существованія и измѣненія опредѣленной *особой* же объективированной части природы и подчинена опредѣленной особой формы зависимости отъ нея.

Критика соотношенія представленій и понятій даетъ понятіе *объ этомъ ихъ соотношеніи*, которому, слѣдовательно соотвѣтствуетъ и *опредѣленное представленіе этого соотношенія*, какъ, опять-таки, того *нѣчто*, которое этимъ понятіемъ опредѣляется. Слѣдовательно и общее понятіе, понятіе предметъ соотвѣтствуетъ не только различно объективированнымъ формамъ природы и различнымъ по степени общности понятіямъ, но соотвѣтствуетъ и объективированному этому имъ соотношенію. Критика же *общественной формы соотношенія* понятій и представленій природы, даетъ пониманіе системы знаній, системы формальнаго представленія природы и общественно-формальнаго соотношенія того и другого. Но черезъ это общественное пониманіе систематическое представленіе природы пріобрѣтаетъ общественный характеръ. Оно обрисовывается какъ форма пониманія совмѣстнаго существованія и измѣненія *всѣхъ различныхъ* предметовъ природы, т. е. всѣхъ различно объективированныхъ частей природы, *съ которыми всѣ въ совокупности общественные индивиды имѣютъ дѣло*:

Но если общественная объективизація формы соотношенія системы понятій и системы представленія природы придаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ общественный характеръ и этой системѣ представленія природы, то тогда этотъ же общественный характеръ принимаетъ и отдѣльное представленіе каждой ея формы, если представленіе это входитъ уже *въ форму этого соотношенія*.

Такимъ образомъ, каждая форма представленія матеріальной дѣйствительности, какъ носящая особое имя и субстанціонально опредѣленная, сама становится однимъ изъ наиболѣе конкретныхъ

понятій, и ея опредѣленія могутъ быть разсматриваемы, какъ вообще формы опредѣленія понятій.

Что касается отношенія ея къ системѣ природы, то она разсматривается здѣсь съ другой точки зрѣнія.

Какъ наиболѣе конкретно отражающая природу, она имѣетъ значеніе только одной изъ формъ представленій природы, въ системѣ нашей совокупной формы представленій и измѣненій этой формально-различно объективированной природы.

XIII.

Логическое дѣленіе понятій, опредѣляющихъ свойства предметовъ природы.

Разсматривая пока формы опредѣленія матеріальной дѣйствительности или же формы опредѣленія понятій, мы, собственно, разсмотрѣли, болѣе или менѣе детально, только субстанціональное опредѣленіе. Что касается опредѣленій свойствъ матеріальной дѣйствительности, то ихъ детальное подраздѣленіе мы еще не разсматривали. Къ этому детальному разсмотрѣнію ихъ мы можемъ вернуться только теперь, когда мы уже разсмотрѣли въ общихъ штрихахъ систему нашего представленія и пониманія, на которыхъ основано это ихъ детальное подраздѣленіе.

Мы уже знаемъ, что сущность опредѣленій свойствъ предмета природы, понятія пріобрѣтаютъ въ сферѣ содержанія опредѣленнаго понятія, какъ *части этого содержанія*, притомъ такія части, которыя только *добавляютъ*, или иначе развиваютъ содержаніе главнаго субстанціональнаго опредѣленія (которое состоитъ, какъ мы уже знаемъ, изъ опредѣленія чрезъ обобщеніе и чрезъ отличіе). теперь мы переходимъ именно къ этому детальному подраздѣленію свойствъ предмета, какъ соотвѣтствующихъ частямъ одного полнаго общественнаго содержанія понятія.

Итакъ, понятія, какъ свойства, опредѣляющія предметъ, входящія въ составъ одной полной общественной формы опредѣленія понятій, дѣлятся: во-1-хъ, на понятія опредѣляющія матеріальную дѣйствительность *самое по себѣ, съ точки зрѣнія ея внутрен-*

няю состава. Понятія, которыя составляютъ, такъ называемую *количественную* категорію понятій.

Эти понятія опредѣляютъ ее, по нашему имѣнію, въ общемъ въ слѣдующихъ предѣлахъ: а) какъ единичность, т. е. какъ одна непрерывное цѣлое въ пространствѣ и во времени; b) опредѣляютъ ее, какъ единовременное пространственное существованіе однѣхъ ея частей рядомъ съ другими; с) опредѣляютъ ее какъ единовременное существованіе ея частей; взятыхъ во времени, т. е. въ процессѣ ихъ взаимнаго измѣненія.

Во-вторыхъ, понятія, входящія въ составъ одной общественной формы опредѣленія предмета, составляютъ, такъ называемую, *качественную категорію ихъ*. Это тѣ свойства, которыя опредѣляютъ матеріальную дѣйствительность, опредѣленную уже чрезъ количественную категорію понятій (мы раньше говорили о томъ, что, вообще, одни опредѣленія понятій рядомъ съ другими имѣютъ смыслъ только, какъ добавляющія первыя).

Эти понятія опредѣляютъ ее *съ точки зрѣнія всей ея цѣлости и непрерывности въ отношеніи къ понятіямъ вообще*. Напримѣръ: столъ черный. Черный—свойство, которое опредѣляетъ столъ во всей его цѣлости. Или еще примѣръ: столъ есть совокупность всѣхъ его частей: доски, ножекъ и пр. Мы взяли этотъ простой, грубый послѣдній примѣръ, выражающій качественность, т. е. свойство цѣльнаго предмета, чтобъ, между прочимъ, отличить эту общую форму качественнаго опредѣленія отъ сходнаго съ нимъ количественнаго опредѣленія. Свойства, принадлежащія къ категоріи количества подъ рубрикой b, опредѣляютъ предметъ, какъ единовременное существованіе его частей, но не опредѣляютъ его въ его цѣлости, какъ вообще какое-либо *количественное отношеніе* этихъ частей другъ къ другу, опредѣляющееся *качественно* т. е. въ цѣломъ, какъ одинъ цѣлый предметъ, въ его раздѣльности и отличіи отъ другихъ.

Эти понятія, принадлежащія къ категоріи качества, мы полагаемъ, дѣлятся въ самомъ общемъ и широкомъ масштабѣ на: а) свойства опредѣляющія матеріальную дѣйствительность единовременно; b) свойства, возникающія по мѣрѣ ея пространственнаго измѣненія, это тѣ свойства, которыя развиваютъ опредѣленія предмета, отчего и матеріальная дѣйствительность получаетъ опредѣленіе развивающейся; с) Свойства, возникающія вмѣсто другихъ, исчезаю-

щихъ свойствъ, вслѣдствіе которыхъ матеріальная дѣйствительность получаетъ опредѣленіе измѣняющейся.

Въ-3-ихъ, тѣ свойства, которыя опредѣляютъ матеріальную дѣйствительность, какъ часть болѣе сложнаго цѣлаго, т. е. опредѣляютъ ее въ отношеніи къ другимъ, находящимся рядомъ частямъ этого пространственно большаго цѣлаго, принадлежатъ къ категоріи *отношенія*.

Въ самыхъ общихъ предѣлахъ они могутъ: а) опредѣлять конкретную дѣйствительность пространственно, какъ часть болѣе пространственно объемлющаго цѣлаго, т. е. они могутъ опредѣлять ее пространственно рядомъ съ другими частями этого цѣлаго; в) они могутъ опредѣлять эту конкретную дѣйствительность *во времени*, т. е. въ процессѣ ея взаимнаго измѣненія съ этими граничащими съ ней частями; иначе они могутъ опредѣлять ее существованіе въ опредѣленной *законозависимости*; с) затѣмъ они могутъ опредѣлять ее въ опредѣленныхъ *границахъ* времени, слѣдовательно, *опредѣлять форму ея* измѣненія. Тогда они опредѣляютъ ея положеніе и состояніе въ зависимости отъ положенія и состоянія другихъ, граничащихъ съ нею пространственныхъ частей болѣе объемлющаго пространственнаго цѣлаго, т. е. опредѣляютъ ея существованіе въ опредѣленной *причинозависимости*.

Эта послѣдняя категорія, категорія *отношенія*, предполагаетъ разсмотрѣніе предмета въ отношеніи къ другимъ категоріямъ свойствъ, поэтому она, какъ добавляющая ихъ, является наиболѣе сложной *). Наконецъ, матеріальная дѣйствительность, уже опредѣленная со всѣхъ сторонъ, опредѣляется еще понятіями принадлежащими къ категоріи *модальности*. Это тѣ понятія, которыя опредѣляютъ матеріальную дѣйствительность въ фактической реализаціи всей совокупности этихъ ея опредѣленій. Такъ, напримѣръ, они опредѣляютъ ее, какъ существующую или не существующую, какъ постоянное явленіе или какъ случайное необходимое или возможное и пр.

Такимъ образомъ, въ общемъ, мы понятія, какъ части одного

*) Разсматривая различныя формы сужденій, какъ часть одного цѣлаго, полнаго общественнаго опредѣленія понятія, мы не разсматривали *внѣшнія* правила, которыя даютъ возможность констатировать вѣрность сужденія, т. е. тождественность его съ соотвѣтственною частью общественнаго опредѣленія понятія и не разсматривали также различныя формы сужденій, насколько это различіе и дѣленіе ихъ основано на внѣшнихъ формахъ рѣчи.

полнаго общественнаго содержанія понятія, дѣлимъ: на понятія, принадлежащія къ субстанціональной категоріи, какъ понятія, опредѣляющія *предметъ* природы, и къ категоріямъ качества, количества и отношенія и модальности, какъ опредѣляющихъ *свойства* предмета.

Это дѣленіе понятій на категоріи, какъ опирающееся на основные принципы общественно систематическаго существованія понятій и на основные принципы нашего систематическаго представленія матеріальной дѣйствительности, указываетъ, такимъ образомъ, и на основное дѣленіе формъ нашего изслѣдованія матеріальной дѣйствительности, въ отношеніи къ категоріямъ, т. е. опредѣляетъ дѣленіе сужденій, какъ сужденій въ отношеніи къ этимъ основнымъ категоріямъ. И, такимъ образомъ, этимъ гарантируется полнота и точность изслѣдованія. Это дѣленіе имѣетъ особенное значеніе для соціологіи, гдѣ безъ наличности непосредственнаго созерцанія предмета, указываемаго понятіемъ, практика опыта не можетъ замѣнить теоретическихъ выводовъ методологическаго изслѣдованія. Такъ, напримѣръ, при изслѣдованіи общества, въ отношеніи количественной категоріи (предполагая, что опредѣленіе матеріальной дѣйствительности, соотвѣтствующей понятію общества, уже имѣется) устраняется такъ долго господствующее представленіе его, какъ опредѣленной совокупности индивидовъ. Эта форма его изслѣдованія, обоснованная формой нашего систематическаго представленія матеріальной дѣйствительности, должна представлять его части пространственно, граничащими другъ съ другомъ, а во времени, находящимися въ процессѣ взаимнаго измѣненія, т. е. представить его состоящимъ изъ индивидовъ, и окружающихъ ихъ тѣхъ вещей, на почвѣ ихъ отношенія къ которымъ происходитъ ихъ отношеніе другъ къ другу. Затѣмъ изслѣдованіе общества въ отношеніи къ количественной категоріи понятій, мы не будемъ смѣшивать съ разсмотрѣніемъ его относящемся къ категоріи *отношенія* т. е. съ изслѣдованіемъ его, какъ потенціальной формы въ отношеніи къ формамъ матеріальной дѣйствительности, граничащимъ съ нимъ, изслѣдованіемъ, въ которомъ мы опредѣляемъ законозависимость и причинозависимость его существованія и пр.

XIV.

Еще одинъ бѣглый, заключительный взглядъ на одновременное представленіе различныхъ соотношеній различныхъ предметовъ природы къ понятіямъ и къ системѣ понятій, на почвѣ систематическаго изслѣдованія природы.

Если представить себѣ теперь одинъ субстанціонально опредѣленный предметъ природы въ его опредѣленномъ систематическомъ пространственномъ и временномъ отношеніи къ другому субстанціонально опредѣленному предмету природы (что мы и дѣлали раньше, изслѣдуя наше систематическое представленіе природы), и затѣмъ каждаго изъ нихъ опредѣлить еще въ свойствахъ, то тогда ранѣе взятая картина систематическаго пространственнаго и временнаго представленія осложнится еще и одновременнымъ представленіемъ ихъ свойствъ.

Причемъ это пространственное и временное представленіе предметовъ природы накладываетъ опредѣленную печать и на соотвѣтственное представленіе всѣхъ ихъ свойствъ вообще. Существованіе этихъ свойствъ будетъ разсматриваться теперь, въ отношеніи къ опредѣленнымъ пространственнымъ формамъ природы и къ опредѣленнымъ формамъ временнаго представленія этихъ формъ.

Мы не можемъ сказать про *свойства*, какъ и вообще про понятія, что они измѣняются въ пространствѣ и во времени, но мы можемъ сказать, что *различныя отношенія къ нимъ предметовъ природы мѣняются*, т. е., что предметъ природы, *сообразно съ его пространственнымъ измѣненіемъ, опредѣляютъ то одни понятія, то на смѣну имъ являются другія*. И затѣмъ количество ихъ, какъ опредѣляющихъ предметъ, тоже измѣняется. И это-то придаетъ характеръ предметамъ природы, какъ во времени, измѣняющимся въ свойствахъ.

Если теперь картину систематическаго законозависимаго пространственнаго измѣненія предметовъ природы осложнить картиной одновременнаго измѣненія ихъ свойствъ вообще, то это систематическое законозависимое пространственное измѣненіе предметовъ накладываетъ на эти *всѣ свойства печать систематически законозависимаго временнаго измѣненія ихъ*, сообразно ихъ

отношенію къ пространственно систематически представленнымъ предметамъ природы.

Такимъ образомъ, сообразуясь съ системой пространственнаго и временнаго представленія предметовъ природы, мы будемъ говорить, что граничащіе другъ съ другомъ предметы не только пространственно измѣняютъ другъ друга, но измѣняютъ и вообще *свойства другъ друга* и что *законы этого измѣненія зависятъ* отъ этихъ *свойствъ измѣняющихся* предметовъ.

Если же мы хотѣли бы это измѣненіе ихъ свойствъ представить еще *и въ опредѣленныхъ границахъ времени*, то мы сказали бы, что *пріобрѣтеніе предметомъ однихъ свойствъ взамѣнъ другихъ или пріобрѣтеніе имъ новыхъ свойствъ* (т. е. взяли бы опредѣленныя свойства, какъ данныя) *зависитъ отъ данныхъ свойствъ граничащихъ предметовъ и т. д.*

Въ общемъ, такимъ образомъ, сейчасъ мы разсмотрѣли еще разъ одновременное существованіе соотношеній различныхъ предметовъ природы къ системѣ понятій и къ понятіямъ вообще, обусловленное системой пространственнаго и временнаго представленія ихъ. Это служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ добавленіемъ нѣсколькихъ штриховъ къ нашему общему замѣчанію о значеніи системы пространственнаго и временнаго представленія матеріальной дѣйствительности и систематическаго ея пониманія.

Пониманіе же законозависимаго существованія однихъ соотношеній предметовъ природы къ понятіямъ и къ системѣ понятій отъ существованія другихъ соотношеній, которое раскрывается для насъ, чрезъ это одновременное представленіе соотношеній, на почвѣ систематическаго законозависимаго представленія природы, обусловливаетъ цѣлое формальное содержаніе нашихъ мыслей о природѣ или содержаніе нашего знанія о природѣ, какъ необходимое условіе всякой нашей *творческой* дѣятельности.

ЧАСТЬ II.

Проблемы общественнаго матеріализма.

Въ первой части нашего изслѣдованія мы разсмотрѣли, такимъ образомъ, сырой матеріалъ философскаго изслѣдованія въ трехъ его основныхъ частяхъ: т. е. мы разсмотрѣли съ внѣшней видовой стороны общественно существующую систему понятій, затѣмъ природу въ ея относительныхъ систематическихъ формахъ представленія и, наконецъ, объективно-общественно существующую систему формъ мыслей о природѣ или систему соотношенія предметовъ природы къ понятіямъ и къ системѣ понятія, на почвѣ систематическаго представленія природы.

Кромѣ того, сюда, какъ подотдѣлъ, вошла еще и логика — изслѣдованіе индивидуальныхъ формъ мысли, въ отношеніи къ общественнымъ формамъ мысли, которыя основываются на принципахъ, вытекающихъ изъ изслѣдованія упомянутыхъ предыдущихъ частей изслѣдованія.

Каждый изъ только что упомянутыхъ отдѣловъ философскаго изслѣдованія разрабатывался въ различные историческіе періоды. Однако въ общихъ чертахъ они уже въ цѣломъ разрабатывались греческой философіей.

Но греческая философія разсматривала, главнымъ образомъ, форму соотношенія однихъ общественныхъ понятій къ другимъ, для выясненія вытекающихъ изъ понятій формъ человѣческихъ отношеній, существующихъ въ обществѣ также единовременно и въ подчиненной зависимости одни отъ другихъ.

Въ средніе вѣка исчезаетъ всякое понятіе, какъ о систематическомъ существованіи формъ природы, такъ и о систематическомъ существованіи понятій.

Чтобъ существовало представленіе о систематическомъ существованіи природы, нужно такое свободное міровоззрѣнье, которое бы искало въ природѣ и ея законахъ, т. е. во взаимодѣйствіи ея частей, основаній для своего воззрѣнья на нее.

Что касается до понятія объ общественно существующей *системѣ* понятій, то для этого надо еще болѣе широкое міровоззрѣніе. Надо, чтобъ не только мысль искала законы пониманія и познанія природы въ природѣ, понимаемой прежде всего независимо отъ своевольнаго авторитета неба. Надо, чтобъ мысль была вмѣстѣ съ тѣмъ еще и соціологической мыслью, сознательно или безсознательно, т. е. чтобъ однѣ формы знаній о свободно-понимаемой природѣ мыслились одновременно съ другими формами знанія о ней и чтобъ понимался бы *смыслъ* и *законность ихъ* одновременнаго существованія, въ этомъ свободномъ соотношеніи одной формы къ другой. А поэтому и чтобъ правила поведенія и вообще, одну дѣятельность свою человѣкъ понималъ, какъ основанную на одновременномъ знаніи ряда другихъ дѣятельностей, и въ то же время онъ понималъ бы ее, какъ именно отдѣльную и отличающуюся отъ другихъ, имѣющую право на отдѣльное существованіе одновременно съ этими другими, а, главное, получающую это право существованія не въ авторитетѣ неба, а въ свободномъ соотношеніи формъ нашего знанія о природѣ и жизни вообще.

Въ средніе же вѣка природа и всякая дѣятельность разсматривались, какъ зависимыя отъ воли божества. Искать какихъ-либо другихъ основаній для существованія ихъ, кромѣ свободной воли неба, было невозможно, не входя въ противорѣчіе съ религіей, а поэтому оно и не допускалось этой религіей. Что же тогда оставалось средневѣковой мысли, которой древній вѣкъ завѣщалъ такое великое наслѣдіе въ области философской мысли. Очевидно, оставались *правила*, ставящія индивидуальную мысль въ освященныя религіей и небомъ рамки, оставалась одна только логика. Но это уже не могла быть логика, основанная, хотя бы и безсознательно, на систематическомъ пониманіи природы и на нашихъ формахъ знанія о ней. Это была, такъ сказать, самодовлѣющая логика съ свыше данными, т. е. опять-таки волею божества, категоріями.

Первой борьбой за освобожденіе человѣка отъ ига деспотической земной власти, освященной чрезъ религію властью на небѣ, было міровоззрѣніе, объявившее природу, а значитъ и часть ея—человѣка,

свободной отъ высшей божественной воли. Тогда научное изслѣдованіе начало искать законовъ пониманія природы въ ней самой, т. е. въ опредѣленной законозависимости однихъ ея формъ отъ другихъ.

Два основныхъ фундамента дальнѣйшему развитію европейской мысли положилъ этотъ историческій періодъ. Во-первыхъ, была возстановлена въ самыхъ общихъ чертахъ форма систематическаго представленія природы, во-вторыхъ, чрезъ свободное пониманіе законовъ представленія ея, былъ открытъ теоретическій доступъ для свободнаго изслѣдованія, практически уже начавшагося, индивидуальнаго изслѣдованія этой природы. Такимъ образомъ, въ научное распоряженіе индивида были отданы, законоотносительныя только въ отношеніи другъ къ другу, различныя области человѣческаго познанія. Это было въ тотъ историческій періодъ, когда вѣкъ индивидуализма смѣнялъ вѣкъ деспотизма. Историческій періодъ, который ознаменовался великими систематиками природы: Декартомъ, Спинозой, Лейбницемъ.

Въ общихъ чертахъ можно сказать, что въ этотъ вновь начавшійся періодъ опытнаго изслѣдованія, анализъ природы становится настолько же типичнымъ для новыхъ вѣковъ, насколько анализъ понятій былъ типичнымъ изслѣдованіемъ для древняго міра. Имъ обусловливается какъ дальнѣйшій философскій скептицизмъ, такъ и теоретическое санкціонированіе формально опытнаго изслѣдованія.

Что же касается изслѣдованія системы общественно-существующихъ понятій о природѣ, то оно въ этотъ наступающій вѣкъ индивидуализма, не могло еще, конечно, войти въ горизонты индивидуалистическаго міровоззрѣнія.

Это изслѣдованіе возможно только при соціологическомъ направленіи мышленія Первая же научная теоретизація индивидуальной мысли характеризуется крайней индивидуалистической узостью, которая не возвышается надъ практикой опыта, даже до опыта человѣка вообще. Развиваясь въ такомъ направленіи, она, естественно, вскорѣ начинаетъ даже отрицать основанія для формальнаго представленія природы. Того формальнаго представленія, которое первое послѣ среднихъ вѣковъ формулировало свободное пониманіе природы въ законозависимости ея частей, и въ этомъ пониманіи передало ее дальнѣйшему практическому опыту.

Теоретическая мысль сосредоточивается теперь исключительно на самомъ процессѣ опыта или процессѣ индивидуальнаго познаванія

природы. Опредѣленныя формы природы, въ опытѣ разлагающіяся на составные элементы и существующія передъ изслѣдователемъ въ этомъ новомъ противорѣчивомъ видѣ, въ видѣ совокупности частей, а не въ прежнемъ доопытномъ цѣльномъ видѣ, приводятъ мысль, удовлетворяющуюся только практикой опыта, *даже къ отрицанію научныхъ основаній для формальнаго представленія природы*. Такое ея формальное представленіе рисуется, тогда, просто, какъ исторически неизбѣжная условная традиція.

Но опытное изслѣдованіе должно было выйти изъ рамки мелко практическаго, опытнаго изслѣдованія отдѣльнаго человѣка и теоретизировать опытъ вообще. Исходной точкой такого міровоззрѣнія, собственно міровоззрѣнія Канта, должна была служить *общественная цѣнность результатовъ отдѣльнаго индивидуальнаго опыта*, которые являются въ опредѣленной формальности представленія и общественной формальности пониманія.

Такимъ образомъ, если вначалѣ анализъ индивидуальнаго опыта готовъ былъ признать результаты этого опыта имѣющими чисто *субъективную цѣнность*, то на высотѣ той общественно эволюціонной волны, когда конкретный человѣкъ смогъ отразить въ себѣ свое общественное представленіе, онъ долженъ былъ теоретизировать опытъ человѣка вообще и признать результаты опытнаго изслѣдованія имѣющими *общественную цѣнность* *).

Но, чтобы представить себя, какъ человѣка вообще, и съ этой точки зрѣнія теоретизировать свой опытъ, человѣкъ долженъ былъ сдѣлать равнымъ себѣ каждаго другого человѣка, а для этого онъ долженъ былъ отвлечься, какъ отъ всѣхъ особенностей своей частной среды, такъ и отъ особенностей частной среды каждаго человѣка и разсматривать, поэтому, какъ себя, такъ и каждаго отдѣльнаго человѣка, просто, какъ средній, абстрактный типъ познающаго человѣка, безотносительно къ тѣмъ конкретнымъ условіямъ среды, которыя обусловливаютъ конкретную форму этого познанія.

Въ границахъ этого индивидуалистическаго міросозерцанія на почвѣ опыта были поставлены три основныхъ вопроса философіи:

---

*) Именно этой абстракціей отъ конкретныхъ условій частной среды человѣка можно объяснить и то, что индивидуалистическое міровоззрѣніе разсматриваетъ общество, какъ простую совокупность индивидовъ, а не какъ такую совокупность индивидовъ, вещей и понятій, на почвѣ которыхъ совершается матеріальное отношеніе людей къ ихъ общественнымъ отношеніямъ.

1) На какомъ основаніи возможны формы опредѣленія предметовъ—понятія?

2) На какомъ основаніи возможны сами предметы, т. е. на какомъ основаніи возможно выдѣленіе *отдѣльныхъ* частей. какъ *отдѣльно* представляемыхъ предметовъ, изъ по существу *непрерывно* представляемой среды? *).

3) На какомъ основаніи возможенъ самый процессъ опредѣленія предметовъ посредствомъ понятій?

Что касается положительныхъ отвѣтовъ на эти вопросы, то для индивидуалистическаго міровозрѣнія, которое разсматриваетъ опытъ безотносительно къ тѣмъ конкретнымъ условіямъ, которыя порождаютъ его, какъ опытъ отдѣльнаго индивида, онъ освѣщается лишь съ того момента, когда предметъ опыта уже есть въ наличности.

Такимъ образомъ, при критическомъ отношеніи именно къ этому моменту, индивидуалистическое міровоззрѣніе, въ вопросѣ объ основаніяхъ объективизаціи частей среды въ форму отдѣльныхъ предметовъ, *констатируетъ* эту наличность объективированной, а слѣдовательно формальной среды, но совершенно справедливо находитъ, что объясненіе этой предметной формальности приходится искать за предѣлами опыта. какъ процесса познанія. Если бъ это міровоззрѣніе не относилось абстрактно къ тѣмъ окружающимъ условіямъ жизни отдѣльныхъ индивидовъ, которые порождаютъ его опытъ, разсматриваемый, какъ процессъ познанія, то оно обратилось бы, въ связи съ критикой опыта, къ изученію именно этихъ условій.

Въ свою очередь, и опытъ обрисовался бы тогда не какъ процессъ познанія предмета вообще, а какъ процессъ познанія *именно того, а не иного предмета.*

При абстрактномъ же освѣщеніи опыта, обусловленномъ абстрактно-индивидуалистической точкой зрѣнія, въ кругозорѣ изслѣдователя за процессомъ опыта остается только традиціонно мистическая область сверхчувственности, съ той разницей, что онъ ее ищетъ не за предѣлами индивида, а, наоборотъ, въ его познавательной сферѣ.

То же самое можно сказать и о положительныхъ отвѣтахъ индивидуалистическаго міровоззрѣнія на вопросъ о возможности формъ опредѣленій природы или о возможности существованія понятій.

---

*) Индивидуалистической философіей эти два вопроса поставлены въ обратномъ порядкѣ. Мы помѣщаемъ ихъ въ другомъ порядкѣ, чтобъ не терять связь съ соотношеніемъ частей нашего предыдущаго изслѣдованія.

Индивидуалистическое міровоззрѣніе разсматриваетъ только опредѣленіе предмета вообще, а не опредѣленнаго, обособленнаго частными отличительными свойствами, конкретнаго предмета, Поэтому индивидуалистическое міровоззрѣніе разсматриваетъ только такія понятія, какъ качество, количество и отношеніе, модальность, раздѣляющія на части опредѣленія *всякаго предмета* и регулирующія полноту опыта вообще.

Но тогда эта область изслѣдованія, ограничивающаяся анализомъ только понятій, регулирующихъ полноту всякого опыта безъ связи съ остальной сферой понятій, опредѣляющихъ предметы въ ихъ конкретности, не находитъ въ опытной области своего обоснованія и опять-таки за ними обращается въ заопытную трансцендентную сферу.

Такимъ образомъ, въ методологическое изслѣдованіе Канта не вошло изслѣдованіе общественно-систематическаго формальнаго *знанія* о природѣ, такъ какъ для этого нужна общественная точка зрѣнія. Но, что касается систематизаціи формальнаго представленія природы, то въ этомъ отношеніи его изслѣдованіе не только полностью охватило результаты предыдущихъ изслѣдованій, но и болѣе полно обработало ихъ.

Въ болѣе полной и совершенной теоретизаціи опыта онъ ввелъ и санкціонировалъ въ его сферѣ новые виды формальнаго представленія природы, какъ результаты ея опытнаго изслѣдованія. Въ зависимости отъ этого систематическое представленіе природы уже теперь обрисовывается *въ процессѣ развитія*. Простой примѣръ поясниттъ намъ, что выводъ этотъ исключительно опирается на новыя орудія изслѣдованія природы, а слѣдовательно и болѣе полный анализъ ея. Вода, напримѣръ, до опытнаго изслѣдованія представлялась формально однородной, опытъ разложилъ ее на составные элементы: кислородъ и водородъ — новые виды формальнаго представленія ея.

Естественно поэтому, что съ этого періода систематизація формальнаго представленія перестаетъ быть догматичной. Но, повторяемъ, пока она ограничивается только тѣмъ кругозоромъ, который ей позволило охватить ея индивидуалистическое міровоззрѣніе.

Въ предѣлы общественнаго міровоззрѣнія, притомъ, какъ *систематизированнаго* міровоззрѣнія, философія снова вводится Гегелемъ. И тогда она сразу снова освѣщаетъ всѣ перспективы методологическаго изслѣдованія, намѣченныя греческой философіей, но уже при этомъ съ тѣмъ громаднымъ пріобрѣтеніемъ, которое ей далъ анализъ новѣйшаго изслѣдованія философскаго матеріала. А именно:

Систематическое представленіе природы, понимаемое въ процессѣ развитія, должно было собою вызвать и пониманіе общественно существующей *системы понятій*, какъ существующей также въ процессѣ развитія.

Въ свою очередь, объективно-общественное пониманіе системы понятій, вошедшее снова въ область методологическаго изслѣдованія, чрезъ общественное міровоззрѣніе, вызываетъ собою снова объективное пониманіе существованія системы природы.

Такъ какъ процессъ развитія системы природы совершается, какъ показалъ Кантъ, чрезъ въ опытѣ являющіяся новыя представленія природы, т. е., значитъ, онъ совершается на почвѣ индивидуальнаго представленія, то генезисъ понятія, общественно развивающейся системы понятій, пришлось изслѣдовать въ отношеніи къ этому индивидуальному представленію. Естественный путь его происхожденія обрисовывается такимъ образомъ: новая форма представленія природы, получающая опредѣленное имя, какъ непосредственно пространственная и временная форма природы опредѣляется въ своемъ отношеніи къ общественно существующей системѣ понятій, но чрезъ эту форму опредѣленія она, какъ форма, получающая свое общественное содержаніе въ отношеніи къ этимъ понятіямъ становится сама формой общественнаго бытія—понятіемъ.

Отъ греческаго міровоззрѣнія до міровоззрѣнія Гегеля философія прошла чрезъ индивидуалистическое освѣщеніе, поэтому-то воскресшее общественное міровоззрѣніе, чрезъ естественно вытекающее свое противорѣчіе этому предшествующему индивидуалистическому міровоззрѣнію, является *сознательно-общественнымъ*, тогда какъ ранѣе оно было таковымъ (въ Греціи) въ своей безсознательной формѣ. Это, однако, вноситъ громадную поправку въ общую форму представленія матеріала философскаго изслѣдованія. А именно слѣдующую: система общественно существующихъ *понятій обрисовывается системой общественнаго сознанія и самоопредѣленія*.

Общественная сфера явленій расчленяется такимъ образомъ Гегелемъ на двѣ области: матеріальную сферу явленій и абстрактную формальную сферу опредѣленій — понятій. Эта послѣдняя на почвѣ общественнаго представленія естественнымъ образомъ была представлена во всей совокупной множественности одновременнаго существованія ея составныхъ элементовъ — понятій, какъ соотвѣтствующихъ всѣмъ предметамъ природы, съ которыми сталкиваются общественные индивиды.

Такимъ образомъ этой общественной точкой зрѣнія была разсмотрѣна совокупность всѣхъ понятій, какъ наиболѣе конкретныхъ, такъ и наиболѣе общихъ, а вмѣстѣ съ этимъ его изслѣдованіе перешло къ картинѣ ихъ законозависимаго относительнаго *общественнаго* существованія.

Вслѣдъ за этимъ абстрактнымъ анализомъ Гегеля систематическаго представленія и пониманія явленій, *общественно матеріалистическое міровоззрѣніе Маркса* обращается къ изслѣдованію тѣхъ разнообразныхъ конкретныхъ условій частной среды отдѣльнаго человѣка, отъ которыхъ абстрагировалось индивидуалистическое міровоззрѣніе. И эти условія, на почвѣ общественнаго міровоззрѣнія, тогда обрисовываются во всемъ своемъ разнообразіи, какъ среда, связывающая людей въ ихъ общественномъ отношеніи.

Такимъ образомъ, опытная философія, на почвѣ именно этого общественнаго міровоззрѣнія, отъ изслѣдованія опыта индивида перешла къ совокупному разсмотрѣнію конкретныхъ условій индивидовъ и ихъ конкретныхъ къ нимъ отношеній, или перешла къ изслѣдованію общественной жизни во всемъ разнообразіи ея частей, какъ порождающихъ опытъ.

Принципы систематическаго представленія матеріальной дѣйствительности рисуютъ общество — сферу существованія понятій и ихъ формъ опредѣленій — одной сплошной величиной матеріальной дѣйствительности, состоящей изъ граничащихъ другъ съ другомъ ея частей, во времени, взаимно измѣняющихъ другъ друга. Т. е., оно рисуется состоящимъ изъ индивидовъ и граничащихъ съ ними матеріальныхъ частей среды, на почвѣ процесса взаимнаго измѣненія, съ которыми происходитъ такимъ образомъ ихъ матеріальный процессъ взаимнаго отношенія другъ къ другу. Или, иначе, оно обри-

совывается общественной формой матеріальнаго отношенія людей къ ихъ обоюдной матеріальной средѣ, а чрезъ это другъ къ другу.

Съ этой точки зрѣнія, *другія формы общественнаго содержанія—понятія*, могутъ обрисовываться только *абстрактнымъ* выраженіемъ этого *сплошного матеріальнаго общественнаго содержанія.*

Но, вѣдь, формально понятія общественно выражаютъ, какъ равное себѣ содержаніе, индивидуальныя формы представленія матеріальной дѣйствительности (въ формахъ общественнаго опредѣленія матеріальной дѣйствительности). Очевидно, что представленіе, какъ равное понятію, выражаетъ *индивидуальную матеріальную форму* отношенія человѣка къ средѣ, которая въ понятіяхъ опредѣляется общественно, какъ общественная форма отношенія людей къ средѣ, а чрезъ это другъ къ другу. Такимъ образомъ, значитъ, представленіе матеріальной дѣйствительности является формой выраженія матеріальнаго отношенія человѣка къ средѣ или формой ихъ взаимнаго измѣненія.

Эта форма матеріальнаго отношенія человѣка къ средѣ выражается и въ индивидуальномъ представленіи и выражается общественно въ понятіяхъ. Слѣдовательно, она-то и является тѣмъ единымъ, которое условно выражается и въ понятіяхъ, и въ представленіяхъ.

Матеріальное отношеніе индивида къ средѣ въ самыхъ общихъ чертахъ обрисовывается намъ, какъ взаимное измѣненіе границъ индивида и этой окружающей среды.

Но такъ какъ не всякій процессъ взаимодѣйствія индивида и окружающей среды выражается въ представленіяхъ *), то, очевидно, если этотъ процессъ выражается въ представленіяхъ, выражается, формально, и *среда, какъ опредѣленная форма матеріальной дѣйствительности*, если нѣтъ, то она не выражается для насъ въ формахъ этой послѣдней.

Такимъ образомъ, *матеріальный процессъ между индивидомъ и средой выражаетъ ее для индивида, какъ ту формаль-*

---

*) Процессы такіе, какъ пищевареніе, ростъ и пр. жизненные процессы, выражающіеся *въ формахъ измѣненія его*. для него *не выражаются въ представленіи*, наконецъ, мы уже говорили, что съ теченіемъ культуры въ процессѣ представленія входятъ такія части природы, которыя имъ ранѣе не объективировались изолированно въ отдѣльные предметы природы.

ную матеріальную дѣйствительность, которую онъ познаетъ и которую онъ такимъ образомъ отдѣляетъ отъ себя.

Какъ *не выраженное* матеріальное отношеніе индивида къ окружающей средѣ, это отношеніе есть его *единство съ нею.* Съ этой точки зрѣнія, оно есть *все, что можетъ быть всѣмъ (если выразится въ представленіи)*, т. е. оно представляется *потенціей въ отношеніи къ своимъ различнымъ формамъ выраженія, какъ въ представленіяхъ матеріальной дѣйствительности, такъ и въ понятіяхъ. Съ этой точки зрѣнія оно абсолютъ* *).

Какъ таковое, матеріально понимаемое, это отношеніе человѣка къ средѣ, обрисовывается просто *матеріей*, т. е. тѣмъ, что имѣетъ *свойство представляться въ формахъ матеріальной дѣйствительности, именно на этой матеріальной почвѣ матеріальнаго отношенія индивида къ средѣ, т. е. имѣетъ свойство представляться ему въ эмпирической реальности, какъ формальная матеріальная дѣйствительность.*

Но познать матеріальную форму отношенія индивида къ этой матеріи мы можемъ все-жъ-таки, исходя только изъ общихъ принциповъ нашего формальнаго систематическаго представленія природы, т. е., значитъ, опять-таки формально представляя ее и себя, а значитъ и форму нашего отношенія къ ней.

Такимъ образомъ основные принципы нашего систематическаго представленія природы становятся для насъ основаніемъ и для познанія абсолюта—матеріи.

Представляя каждый предметъ одновременно, какъ часть цѣлаго, какъ цѣлое и какъ совокупность частей, мы, расчленяя послѣдовательно наши пространственныя формы представленія, слѣдуя порядку ихъ соотносительнаго систематическаго существованія въ отношеніи другъ къ другу, дойдемъ до опредѣленнаго въ каждый историческій моментъ предѣльнаго пониманія *матеріальной точки*, которую, однако, какъ матеріальную точку, мы можемъ представить только чрезъ какую-либо форму нашего матеріальнаго соприкосновенія съ ней.

Но, если каждая форма матеріальной дѣйствительности, въ ко-

*) У Гегеля оно замѣщаетъ собою абсолютный духъ.

нечномъ счетѣ, можетъ быть представлена, какъ совокупность матеріальныхъ точекъ, то и вся въ цѣломъ матеріальная дѣйствительность можетъ быть тоже представлена совокупностью этихъ же точекъ.

Если же теперь представлять эту матеріальную точку во времени, какъ обусловленную въ этомъ своемъ существованіи, одновременнымъ существованіемъ граничащихъ точекъ, *то она* прежде всего обрисуется, *какъ имѣющая потенцію движенія въ опредѣленномъ направленіи.*

Что касается теперь всѣхъ другихъ формъ матеріальной дѣйствительности, то онѣ, при такой общей формѣ представленія всей ея, обрисуются предъ нами лишь *какъ опредѣленныя количественныя совокупности этихъ матеріальныхъ точекъ* въ цѣломъ, въ отношеніи къ временному представленію ихъ, обрисовывающіяся, какъ имѣющія потенцію движенія своего особаго отличнаго направленія.

Если же разсматривать ихъ въ опредѣленныхъ *границахъ* времени, каждая изъ нихъ представляется, какъ имѣющая въ цѣломъ потенцію движенія одного опредѣленнаго направленія опредѣленной *скорости*, которая выражается въ опредѣленномъ количествѣ матеріальныхъ точекъ, имѣющихъ потенцію движенія *для даннаго момента.*

Съ этой точки зрѣнія, въ фактической реализаціи потенцій движеній отдѣльныхъ граничащихъ другъ съ другомъ количествъ матеріальныхъ точекъ мы получимъ лишь *одно количество матеріальныхъ точекъ*, имѣющихъ потенцію движенія одного направленія для даннаго момента, выражающагося въ потенціи движенія опредѣленной части этого количества, т. е. мы получимъ лишь одно количество матеріальныхъ точекъ, имѣющихъ потенцію движенія одного направленія опредѣленной скорости.

Какъ извѣстно, движеніе всякихъ граничащихъ другъ съ другомъ пространственныхъ цѣлыхъ, мы можемъ одновременно разсматривать, какъ движеніе частей этихъ цѣлыхъ въ отношеніи другъ къ другу, при чемъ каждый частный процессъ этого движенія является ограниченнымъ совокупной единовременностью и единствомъ всѣхъ процессовъ.

Представимъ теперь какой-либо изъ только что упомянутыхъ процессовъ изолированно, при чемъ для простоты предположимъ что мы разсматриваемъ только движенія двухъ, граничащихъ цѣ-

лыхъ въ отношеніи другъ къ другу. Съ этой точки зрѣнія и будемъ разсматривать какой-либо одинъ частный процессъ отношенія одной части одного цѣлаго къ другой пространственно соотвѣтственной части другого цѣлаго. Предположимъ, что какая-нибудь часть k цѣлаго A (см. рисунокъ 2-ой) граничитъ съ частью l цѣлаго B. Если бы мы взяли процессъ движенія k и l изолированно отъ другихъ одновременныхъ явленій, то k и l, какъ два количества матеріальныхъ точекъ, каждое изъ которыхъ имѣетъ потенцію движенія своего особаго направленія, въ фактической реализаціи этой потенціи, слились бы въ одно количество матеріальныхъ точекъ, имѣющее потенцію движенія одного направленія, опредѣленной скорости.

Рис. 2.

Но k мы разсматривали лишь какъ пространственную часть цѣлаго A. Какъ таковая, она находится одновременно въ процессѣ сліянія въ одно количество матеріальныхъ точекъ одного направленія и съ остальными частями этого цѣлаго A. Такимъ образомъ, мы получаемъ такую картину движенія k: k находится въ процессѣ сліянія въ одно количество матеріальныхъ точекъ одного направленія съ l—частью цѣлаго B и единовременно находится въ процессѣ сліянія въ одно количество матеріальныхъ точекъ одного направленія и съ остальными частями цѣлаго A. Поэтому единовременно направленіе движенія k отклоняется, какъ отъ направленія частей цѣлаго A, такъ и отъ направленія движенія частей цѣлаго B, т. е., единовременно k продолжаетъ существовать изолированно и отъ остальныхъ частей цѣлаго A и отъ l.

И k тѣмъ болѣе сохраняетъ свое изолированное существованіе, что процессъ сліянія k съ l въ одно количество матеріальныхъ точекъ одного направленія приходится разсматривать ограниченнымъ не только чрезъ остальныя части A, но чрезъ единовременные процессы сліянія въ одно количество матеріальныхъ точекъ одного направленія A съ другими частями B. И затѣмъ еще мы каждую точку, въ самой общей схемѣ матеріалистическаго представленія, можемъ разсматривать не только въ отношеніи къ какому-либо опредѣленному соотносительному цѣлому, но въ отношеніи ко всей природѣ, т. е. разсматривать ее ограниченной со всѣхъ сторонъ. Поэтому и процессъ сліянія k съ l въ одно цѣлое количество матеріальныхъ точекъ одного направленія, является ограниченнымъ

единовременными процессами движенія k въ направленіи ко всѣмъ граничащимъ съ нимъ частямъ.

Перенося этотъ взятый нами примѣръ существованія k на картину общаго вида матеріалистическаго представленія природы, мы, такимъ образомъ, и *всю матеріальную дѣйствительность и каждую нашу относительную пространственную форму представленія ея можемъ единовременно представлять себѣ и въ процессѣ сліянія ея частей въ одно количество матеріальныхъ точекъ одного направленія и, съ этой стороны, какъ потенцію движенія одного направленія, и въ то же время мы можемъ представить ее существующей въ безпрерывномъ процессѣ развивающагося разнообразія ея раздѣльныхъ частей.*

Теперь для насъ остается тотъ вопросъ, который становится краеугольнымъ камнемъ для матеріалистическаго пониманія всего, что существуетъ и что можетъ существовать, т. е. для пониманія всего, какъ матеріи, которую мы представляемъ въ опредѣленныхъ формахъ, и матеріи, какъ абсолютъ, т. е. такой матеріи, которая еще только можетъ представиться нашему пониманію. Вопросъ этотъ заключается въ слѣдующемъ: какъ возможно изъ этой самой общей формы систематическаго представленія матеріальной дѣйствительности, т. е. не выходя изъ границъ возможности представленія всего, что насъ окружаетъ, чрезъ нашу форму матеріальнаго соприкосновенія съ этимъ окружающимъ (въ чемъ и заключается сущность матеріалистическаго пониманія) допустить возможность представленія?

Рѣшивши этотъ вопросъ, намъ останется рѣшить вопросъ существуетъ ли представляемая матеріальная дѣйствительность въ той относительной систематичности своего существованія, въ какой она представляется намъ? Если да, то по мѣрѣ развитія нашихъ формъ представленія ея, а значитъ и развитія систематической соотносительности другъ къ другу этихъ формъ нашего представленія матеріальной дѣйствительности, мы будемъ все болѣе и болѣе познавать ее именно такъ, какъ она существуетъ въ соотносительной систематической законозависимости ея частей другъ къ другу Развитіе конечнаго представленія не дѣлимой матеріальной точки тогда лишь расширитъ наше пониманіе ее во взаимоотносительности ея частей. Однимъ словомъ, намъ останется тогда рѣшить вопросъ: дастъ ли

матеріалистическая точка зрѣнія основаніе, а потому и очертитъ ли возможный путь познанія среды самой по себѣ?

Представляя общество во всей совокупности его частей, какъ всякое матеріальное цѣлое, а именно представляя его, какъ сплошную величину, мы уже видѣли, что общественный матеріализмъ Маркса въ то же время не упускаетъ изъ виду существованія въ обществѣ и опредѣленій. Поэтому, вводя общественную сферу явленій въ систему наиболѣе общаго вида матеріалистическаго представленія природы, т. е. представляя его какъ опредѣленный комплексъ матеріальныхъ движеній, онъ разсматриваетъ его, однако, какъ такую матеріальную форму, которая рѣзко характеризуется совершенно особымъ, присущимъ именно ей явленіемъ, а именно, существованіе ея сопровождается существованіемъ въ ней понятій.

Движеніями же составныхъ элементовъ общественнаго цѣлаго, характеризующими моментъ построенія его, являются, очевидно, тѣ движенія, которыя можно назвать дѣятельными движеніями его индивидовъ.

Дѣятельное движеніе, въ самыхъ пока общихъ чертахъ, мы можемъ разсматривать, какъ родъ активнаго движенія.

Какъ же намъ опредѣлить активное движеніе?

Мы не можемъ воспользоваться готовымъ опытнымъ указаніемъ, такъ какъ въ рѣшеніи поставленнаго нами вопроса философіи еще только приходится указать область возможнаго опыта. Поэтому остается чисто описательный методъ. Въ этихъ предѣлахъ приходится съ помощью логическихъ указаній вполнѣ использовать возможныя сопоставленія имѣющихся въ наличности внѣшнихъ данныхъ.

Съ такой именно внѣшней стороны активнымъ движеніемъ мы называемъ тотъ случай движенія тѣла *B*, когда причина этого движенія, тѣло *A*, имѣетъ слѣдствіемъ не только опредѣленную форму движенія тѣла B, какъ результатъ движеній B и A въ направленіи другъ къ другу, но плюсъ послѣдующее движеніе тѣла B въ направленіи къ A, къ этой уже, такимъ образомъ, реализировавшейся причинѣ его движенія, (которая стало его т. е. тѣла B, новой средой или собственно средой, въ отношеніи къ нему, какъ къ активно дѣйствующему субъекту) *). Представимъ себѣ

*) Съ внѣшней своей стороны это опредѣленіе не отступаетъ отъ общаго представленія активнаго движенія въ его противопоставленіи пассивному

какое-либо тѣло B (см. рисунокъ 3-ій) которое граничитъ съ тѣломъ C и D (см. рисунокъ 3-ій), при чемъ C и D еще граничатъ другъ съ другомъ. Затѣмъ допустимъ, что тѣло A, граничащее съ B, мы разсматриваемъ, какъ причину движенія B.

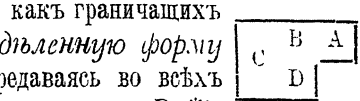


Рис 3.

Въ результатѣ движенія B и A, какъ граничащихъ *цѣлыхъ, мы будемъ имѣть опредѣленную форму* движенія B. Это движеніе затѣмъ, передаваясь во всѣхъ направленіяхъ, отъ B передается C, а также и D *). При чемъ, въ свою очередь, C передаетъ полученное движеніе отъ B цѣлому D, а D, полученное тоже отъ B движеніе передаетъ C. Въ результатѣ мы получимъ *сокращеніе движенія C и D въ направленіи другъ къ другу*, и это сокращеніе отъ C и D можетъ передаться такимъ образомъ обратно B, а отъ B передаться A, т. е. передаться причинѣ первоначальнаго измѣненія B, какъ форма движенія въ направленіи къ этому B.

Но если движенія C и D въ направленіи къ B, какъ результатъ взаимнаго сокращенія движеній C и D въ направленіи другъ къ другу, встрѣтятся съ движеніями, измѣняющими направленіе ихъ движеній къ B, то тогда само собой *не передается* добавочнаго посредственнаго движенія отъ B въ направленіи къ A — къ причинѣ первоначальнаго непосредственнаго измѣненія B **). И тогда у насъ получается совершенно другой видъ движенія, который съ внѣшней стороны противополагается первому, какъ относительно пассивный его видъ.

Не отступая отъ системы общаго матеріалистическаго представленія, мы разсматриваемъ каждое движеніе индивида *состоящимъ изъ двухъ* (въ отношеніи къ этому цѣлому движенію)

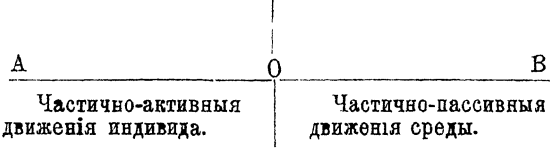
---

*) Здѣсь въ нашихъ разсужденіяхъ надо принять во вниманіе, что мы не разсматриваемъ форму движенія взятыхъ цѣлыхъ, какъ форму движенія *опредѣленной, взятой изолированно системы движенія* Мы разсматриваемъ ихъ движеніе, какъ общій типъ движенія, принципіально обоснованный лишь тѣмъ фактомъ, что каждая форма движенія цѣлаго тѣла передается *во всѣхъ направленіяхъ* всѣмъ, *граничащимъ* съ нимъ, тѣламъ.

**) Рѣчь идетъ, конечно, о *пространственно соотвѣтственномъ видѣ разсматриваемыхъ формъ движенія* тѣла B въ направленіи къ A. Само собой разумѣется, одна изъ формъ частичнаго движенія, въ отношеніи къ разсматриваемымъ формамъ движенія, передается отъ тѣла B тѣлу A, но не передастся *цѣлая* форма выше разсмотрѣнныхъ, соотвѣтственныхъ другъ другу движеній.

частичныхъ движеній: *движенія индивида и движенія среды* *), при чемъ, такимъ образомъ, мы выдѣляемъ *дѣятельное движеніе индивида* въ направленіи къ средѣ, какъ такое, *присущность котораго матеріальной сферѣ явленій сопровождается существованіемъ въ ней понятій.* Этому движенію мы противопоставляемъ ряды относительно пассивныхъ движеній индивида, каковы: дыханіе, питаніе и пр.

Кромѣ того, дѣятельное движеніе выдѣляется изъ окружающихъ его пассивныхъ движеній еще и особымъ характернымъ признакомъ, какъ активное движеніе. *Но тогда вмѣстѣ съ собою выдѣляетъ оно и ту часть среды, которая входитъ въ него, какъ его составной элементъ* (такъ какъ выше мы уже сказали, что каждая цѣлая дѣятельность состоитъ изъ двухъ частичныхъ движеній – движенія индивида и движенія среды). Для наглядности, если мы дѣятельное движеніе индивида представимъ въ границахъ времени, какъ опредѣленную форму измѣненія индивида и обозначимъ ее линіей АВ (см. чертежъ) и эту линію АВ въ то же время раздѣлимъ на двѣ части—на часть АО, означающую движеніе индивида, и на часть ОВ, означающую движеніе среды, то на этомъ чертежѣ ясно увидимъ, что часть ОВ (среда) входитъ въ составъ цѣлаго АВ *и вмѣстѣ съ нимъ* должна отдѣляться какъ отъ окружающихъ дѣятельное движеніе индивида пассивныхъ движеній его, такъ и отъ всей остальной среды.



Но, если мы теперь будемъ составные элементы цѣлаго дѣятельнаго движенія индивида — частично-активное его движеніе и частичное движеніе среды разсматривать самихъ по себѣ, безъ отно-

*) Отсюда естественно можетъ явиться вопросъ, какимъ мы одно дѣятельное движеніе можемъ разсматривать, какъ совокупность частично-активнаго движенія индивида и движеній среды Но дѣло въ томъ, какъ мы уже говорили, что всякое матеріальное цѣлое обрисовывается, какъ опредѣленное количество матеріальныхъ точекъ, имѣющихъ потенцію движенія одного направленія, но въ то же время это матеріальное цѣлое можетъ быть разсматриваемо и какъ совокупность различныхъ количествъ матеріальныхъ точекъ, каждая изъ которыхъ имѣетъ потенціи движенія своего направленія отличнаго отъ другого.

шенія къ цѣлому его дѣятельному движенію, при этомъ, если мы допустимъ что движенія среды не будутъ такого же активнаго характера, какъ частичныя движенія индивида (для чистоты изслѣдованія допустимъ, что они будутъ пассивнаго характера), то тогда *частичныя движенія индивида* будутъ отличаться отъ *движенія среды*, какъ *активныя движенія отъ пассивныхъ. Но тогда, значитъ, среда въ дѣятельномъ движеніи индивида, или въ самомъ индивидѣ (вѣдь дѣятельное движеніе есть лишь форма* измѣненія индивида, или составная часть его самого) *выдѣляется, какъ отъ остальной среды этого индивида, такъ и отъ его частично-активныхъ движеній, т. е. отъ него самого.*

Вотъ этотъ-то матеріальный фактъ отдѣленія въ *дѣятельности индивида* одной какой-либо части его среды, какъ отъ остальной его среды, такъ и отъ него самого, мы и считаемъ *матеріальнымъ основаніемъ для предметнаго представленія*, сущность котораго, будь то субъективное ощущеніе или внѣ лежащій предметъ, состоитъ въ отдѣленіи одной части среды отъ всего остального, окружающаго ея и составляющаго съ ней одновременно одно цѣлое.

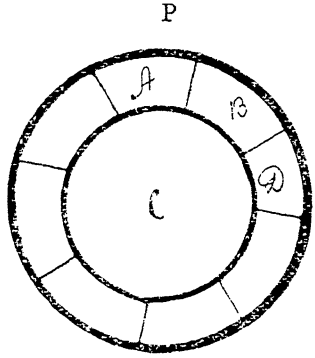
Мышленіе совершается уже надъ фактами, а жизнь, такимъ образомъ, въ активныхъ движеніяхъ создаетъ эти раздѣльные другъ отъ друга, разнородные факты, объекты разнообразнаго практическаго и теоретическаго изслѣдованія ихъ человѣкомъ.

Въ болѣе общихъ чертахъ можно высказать слѣдующее предположеніе: объективированіе части среды въ форму предмета сопровождаетъ и выражаетъ собою только фактъ дѣятельнаго отношенія человѣка къ этой средѣ еще прежде объективированія имъ этого факта. Почему и объективированный предметъ мышленія является предъ нимъ ранѣе мышленія.

Въ общемъ такимъ образомъ, мы принципіально допускаемъ, что чрезъ активныя свои движенія индивидъ отдѣляетъ себя отъ среды, чрезъ пассивныя онъ сливается съ ней.

Но тогда индивидъ, понимаемый, какъ активное цѣлое, не мо-

жетъ въ нашемъ представленіи оставаться величиной пространственно постоянной.



Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ теперь, что мы имѣемъ какое-либо активное цѣлое P, состоящее изъ центральной его части (какой угодно формы) C и ряда граничащихъ съ ней частей A, B, D и пр. (см. чертежъ), которыя, какъ таковыя, передаютъ свои движенія C.

C теперь, какъ центральная часть цѣлаго P, которой непосредственно передаются всѣ измѣненія другихъ частей, дѣлаетъ въ свою очередь измѣненіе каждой части обусловленнымъ и зависимымъ отъ совокупной формы всѣхъ своихъ другихъ измѣненій, т. е. дѣлаетъ каждое измѣненіе зависимымъ отъ одной общей формы своего измѣненія.

Такимъ образомъ, и измѣненіе взятой нами, хотя бы, напримѣръ, части A, будетъ также зависимо отъ общей формы измѣненія C, зависимаго отъ измѣненія другихъ частей цѣлаго P.

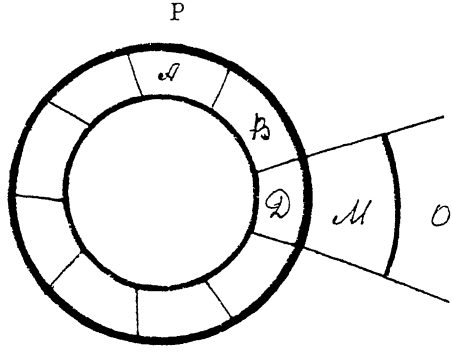
Затѣмъ, когда исчезнетъ напр., причина измѣненія движенія A въ опредѣленномъ направленіи и эта форма его движенія перейдетъ въ другую, то эта первая форма его движенія явится однимъ изъ соединительныхъ звеньевъ общей цѣпи движеній A. Въ центральной части, которой передаются всѣ формы измѣненій ея частей, эта происшедшая форма измѣненія ея части тоже совершенно не исчезнетъ безъ слѣда и будетъ однимъ изъ звеньевъ ея измѣненія.

Значитъ, настоящіе процессы измѣненій частей измѣняющагося цѣлаго P, при условіи существованія его центральной части C, будутъ обусловлены не только настоящей общей формой измѣненія C, но и прошедшими измѣненіями C, которыя измѣняютъ такимъ образомъ и первыя.

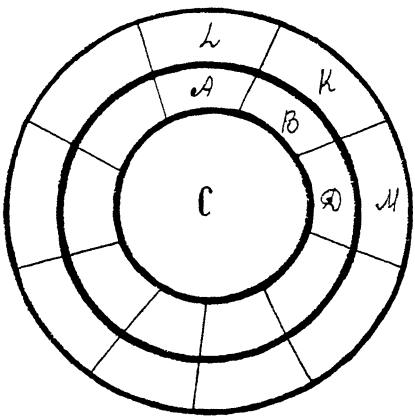
Допустимъ теперь въ P не только пассивныя его движенія въ зависимости отъ движенія его среды, но и *активныя: въ такомъ случаѣ чрезъ эти послѣднія P отдѣляетъ себя отъ среды, какъ одно активное цѣлое.*

Такъ какъ P *чрезъ пассивныя движенія свои сливается со средой*, то допустимъ, что оно сливается съ частью своей среды M, граничащей съ его частью D. Но, если теперь допустить, что въ

одинъ изъ послѣдующихъ моментовъ *M активно измѣнится* въ отношеніи къ своей остальной средѣ O, (см. чертежъ) кромѣ *D*, и притомъ это его активное движеніе произойдетъ *чрезъ передачу*



ему активнаго движенія отъ D, какъ части цѣлаго P, то придется допустить, *что P, какъ активное цѣлое, увеличится въ своихъ размѣрахъ и превратится въ P+M*, т. е., что активнымъ цѣлымъ стало не только P, но еще не отдѣляющаяся отъ него, чрезъ его пассивныя къ ней движенія, часть M, которая, однако, при этомъ своемъ сліяніи съ P отдѣлила себя отъ остальной окружающей его среды.



Но тогда центральной частью въ отношеніи ко всѣмъ частямъ P, т. е. и къ новой его части M, и къ A, и къ B и пр., будетъ уже не C, а C+D, т. е. *вслѣдствіе увеличенія размѣра P. центральная часть его также увеличилась въ своихъ размѣрахъ.*

Теперь предположимъ, что и прочія части P, окружающія C, т. е. A и B и пр., (см. чертежъ) между прочими активными формами своего взаимоотношенія съ окружающей средой вступили въ тотъ процессъ взаимоотношенія съ ней, который не выражается активнымъ отношеніемъ къ ней P, какъ къ средѣ; вслѣдъ затѣмъ, части *этой среды*, чрезъ этотъ пассивный процессъ взаимоотношенія съ P, смогли активно отнестись *къ остальной своей средѣ, кромѣ P*. Тогда придется предположить, что P постепенно увеличится, скажемъ на часть L, которая передаетъ свое движеніе непосредственно A. и на часть K, которая передаетъ свое движеніе B, и

на рядъ другихъ частей, которыя передаютъ движеніе другимъ частямъ P, окружающимъ C, какъ центральную часть. Всѣ эти части, K, L, M, сливаясь съ P, *чрезъ его пассивный процессъ взаимодѣйствія съ ними, сдѣлались сами частями этого P, какъ активнаго цѣлаго,* чрезъ *активное свое* движеніе къ остальной своей средѣ—движеніе, которое могло явиться только результатомъ этого ихъ сліянія въ одно цѣлое съ частями P. Но тогда и въ отношеніи къ этимъ новымъ частямъ центральная часть станетъ также постепенно увеличиваться и постепенно превратится въ C+D+A+B и пр. части, въ отношеніи къ этимъ новымъ частямъ L, M, K и пр.

Мы можемъ предположить и дальнѣйшее увеличеніе P, чрезъ новыя части среды, а слѣдовательно, и ростъ его центральной части въ отношеніи къ этимъ новымъ частямъ и т. д.

Въ итогѣ мы, такимъ образомъ, представили возможность роста P, какъ активнаго цѣлаго, т. е. того цѣлаго, которое отдѣляетъ себя отъ среды.

Какъ всякое матеріальное цѣлое, разсматриваемая центральная часть активно дѣйствующаго P существуетъ и какъ одно непрерывное цѣлое и, одновременно, какъ совокупность его частей. Мы можемъ, поэтому, одновременно разсматривать C существующимъ, какъ центръ, въ отношеніи къ A, B, D и пр. остальнымъ частямъ, непосредственно окружающимъ его, причемъ эти части, такимъ образомъ, составятъ, такъ сказать, первое концентрическое кольцо въ отношеніи къ C. Затѣмъ мы можемъ центръ разсматривать, какъ C+A+D+B и пр. въ отношеніи къ L, M, K и пр. частямъ P, составляющимъ второе концентрическое кольцо въ отношеніи къ C. И мы можемъ и далѣе представлять одновременно центръ какъ C+A+B+D и пр. +L+M+K и пр., въ отношеніи къ новымъ образовавшимся частямъ активнаго цѣлаго P.

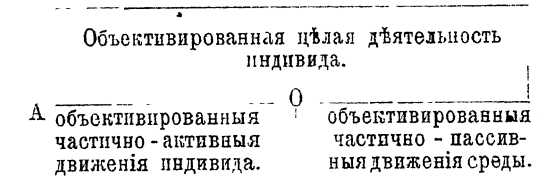
Если разсматривать C, какъ центръ въ отношеніи A, B, D и пр. частямъ перваго концентрическаго кольца, то C вмѣстѣ съ этими частями, разсматриваемыми въ отдѣльности отъ него, какъ отъ центра, можно разсматривать какъ одно относительное цѣлое, причемъ части втораго концентрическаго кольца явятся только средой въ отношеніи къ этому цѣлому. А поэтому мы можемъ разсматривать измѣненіе и ростъ этого цѣлаго насчетъ этой среды, т. е. насчетъ L, M, K и пр. частей P. Затѣмъ, такъ какъ, одновременно, мы можемъ разсматривать центръ какъ C+A+B+D и пр., въ отношеніи къ ча-

стямъ второго концентрическаго кольца L, M, K и пр., то мы можемъ центръ, разсматриваемый въ этомъ объемѣ, вмѣстѣ съ окружающими соотвѣтствующими ему, какъ центру, частями разсматривать, какъ одно цѣлое въ отношеніи къ частямъ третьяго концентрическаго кольца, которыя въ свою очередь, въ отношеніи къ этому цѣлому центру, будутъ лишь средой и т. д.; поэтому мы можемъ его измѣненія и ростъ разсматривать насчетъ этой среды и т. д.

Но если при такой системѣ активно соотносительныхъ другъ къ другу формъ активнаго цѣлаго мы допустимъ, что никакая форма движеній, полученная этимъ цѣлымъ и различными соотносительными центральными частями его не исчезаетъ, а остается какъ составной элементъ его новыхъ формъ движеній *), то придется также допустить, что и движенія, соотвѣтствующія выдѣленію внѣшней среды, получаемыя цѣлымъ P, въ немъ совершенно не исчезнутъ, а будутъ существовать, какъ частичныя формы его новыхъ движеній. Такимъ образомъ, *представленія среды, получаемыя P во времени, будутъ существовать въ немъ одновременно или пространственно.*

Вотъ почему, когда мы будемъ касаться представленій, полученныхъ P *въ различное время*, мы будемъ ихъ разсматривать существующими *одновременно въ различныхъ частяхъ этого цѣлаго и при условіи различныхъ соотношеній частей этого цѣлаго другъ къ другу.*

Теперь допустимъ *дѣятельное отношеніе индивида*, въ свою очередь, къ той его дѣятельности, въ результатѣ которой получилось отдѣленіе имъ его среды, т. е., слѣдовательно, допустимъ *объективизацію имъ этой его дѣятельности* (см. чертежъ **).



*) Т е допускаемъ, что формы движенія не разлагаются; разлагаемость формъ характеризуетъ *разрушеніе* системы.

**) *Примѣчаніе.* Мы такимъ образомъ, для удобства изслѣдованія, считаемъ доказаннымъ высказанное нами предположеніе, что фактъ отдѣленія среды въ дѣятельности индивида даетъ основаніе его представленію

Но такъ какъ цѣлая его дѣятельность состоитъ изъ двухъ элементовъ — его частично активной формы движенія и пассивной формы движенія среды (для простоты мы послѣднія предположимъ таковыми), то при дѣятельномъ отношеніи ко всѣ, въ цѣломъ, своей дѣятельности онъ соединяетъ, такимъ образомъ, въ одну форму представленія одной своей дѣятельности—двѣ. только что разсмотрѣнныя ея части.

Но эта объективизація индивидомъ его дѣятельности въ цѣломъ не отрицаетъ въ то же время и формальнаго представленія имъ среды, такъ какъ эти два представленія вызваны совершенно различными формами его дѣятельности. Изъ одновременности же того и другого представленія. т. е. изъ представленія какъ своей дѣятельности въ ея цѣломъ, такъ и изъ представленія среды, которая входитъ въ эту дѣятельность, вытекаетъ объективизація и тѣхъ *частично активныхъ движеній индивида*, которыя входятъ въ составъ цѣлой объективированной имъ дѣятельности (ибо, если мы представляемъ цѣлое одновременно съ его частью, то вмѣстѣ съ тѣмъ представляемъ и другую часть. являющуюся дополненіемъ до цѣлаго),

Эта объективизація индивидомъ его относительно частично-активныхъ движеній, мы думаемъ, *и даетъ основаніе ощущенію*, такъ какъ сущность ощущенія есть объективизація того состоянія индивида, которое онъ получаетъ одновременно съ объективизаціей внѣшней среды.

Частично же активныя движенія индивида и объективированная среда суть пространственно соотвѣтственныя другъ другу части цѣлой объективированной дѣятельности индивида и, какъ таковыя, онѣ зависимы другъ отъ друга.

Такъ какъ каждое изъ частично активныхъ движеній, въ свою очередь, можетъ состоять изъ отдѣльныхъ частичныхъ движеній, ранѣе объективированныхъ, при соотвѣтственной объективизаціи другихъ формъ дѣятельности индивида, то и каждое, ощущеніе можетъ состоять изъ многихъ раздѣльныхъ ощущеній и быть, такимъ образомъ, сложнымъ ощущеніемъ.

И чѣмъ детальнѣе будетъ объективированіе частей этого цѣлаго ощущенія, тѣмъ послѣднее будетъ сложнѣе. Въ немъ, въ одномъ цѣломъ ощущеніи, въ силу объективизаціи его частей будетъ одновременно одна часть отдѣляться отъ другой. Такимъ образомъ, это

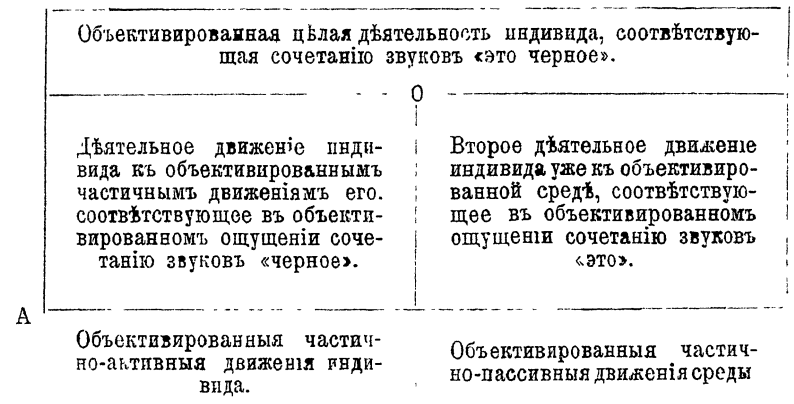
будетъ цѣлое, комбинированное изъ объективированныхъ выдѣленныхъ частей.

Мы совершенно не задаемся цѣлью опытно отыскать матеріальныя основанія для возможности представленія и мысли, а пробуемъ пока указать лишь на то, что формально введенный принципъ обособленія активныхъ движеній, при опять-таки чисто формальномъ представленіи отношеній индивида къ окружающей средѣ, допускаетъ намѣтить матеріальныя основанія не только представленію, но и мысли.

Вотъ почему, чтобъ набросать схему, допускающую возможность матеріалистическаго обоснованія представленія и мысли, мы въ дальнѣйшемъ изложеніи допускаемъ извѣстнымъ то, чему мы пока пытаемся найти принципіальное обоснованіе.

Итакъ, объективизація индивидомъ его дѣятельности должна, по нашему мнѣнію, сопровождаться единовременно объективизаціей ея составныхъ элементовъ: *во-первыхъ*, объективизаціей среды, *во-вторыхъ*, объективизаціей активно частичныхъ движеній индивида.

Относительно *перваго*, т. е. относительно объективированной среды, мы допускаемъ, что эта среда, (см. чертежъ) уже такимъ образомъ существующая для индивида (какъ объективированная), *вызываетъ еще второе его дѣятельное къ ней движеніе, выраженное въ дѣятельномъ движеніи другихъ его частей, и что это второе дѣятельное движеніе объективируется въ ощущеніи въ сочетаніе звуковъ, напр.* «это».



Затѣмъ *относительно объективированнаго частично-активнаго движенія индивида* мы тоже допускаемъ и въ на-

правленіи къ нему 2-ое дѣятельное движеніе индивида другихъ его частей, которое, скажемъ, объективируется и соотвѣтствуетъ въ нашемъ ощущеніи сочетанію звуковъ, напр., «черное».

Тогда объективизація *дѣятельности* въ цѣломъ, составными элементами которой были эти частично-активныя движенія индивида и движенія среды, будетъ одновременно сопровождаться двумя фактами: объективированной средой и объективированными активно-частичными движеніями индивида, какъ вызывающими два слова: «это черное».

Теперь мы возьмемъ совершенно изолированно двѣ дѣятельности человѣка въ направленіи къ средѣ. Допустимъ что объективизація одной дѣятельности въ направленіи къ средѣ сопровождается словами «*это черное*», а объективизація какой-либо второй дѣятельности индивида *въ направленіи къ средѣ* словами «*это столъ*».

Соотвѣтственно этому мы, конечно, будемъ имѣть и двѣ объективированныя части среды—два предмета природы.

Допустимъ теперь, что дѣятельность индивида охватила среду въ такомъ пространственномъ объемѣ, что эти *два предмета составляютъ разрозненныя части ея.*

Всякое движеніе человѣка къ средѣ, какъ вообще всякое движеніе, измѣняетъ форму движенія частей этой среды въ направленіи другъ къ другу *или перемѣщаетъ части этой среды.*

Такимъ образомъ, мы дѣлаемъ предположеніе, что дѣятельное движеніе, охватившее среду, перемѣщаетъ части ея такимъ образомъ, что вышеупомянутые *два предмета оказываются граничащими другъ съ другомъ.*

Но тогда могутъ оказаться граничащими и *формы частичныхъ движеній индивида*, пространственно соотвѣтствующія, въ цѣлыхъ объективированныхъ дѣятельностяхъ, объективированнымъ предметамъ.

Допустимъ, что эти два частичныхъ движенія одинаковы по направленію и сливаются въ одно движеніе: тогда сольются въ одну дѣятельность и двѣ объективированныхъ дѣятельности, въ которыхъ объективировались эти частичныя движенія индивида и соотвѣтственныя части среды—два предмета природы.

Итакъ, въ направленіи къ этимъ двумъ предметамъ вмѣсто двухъ объективированныхъ дѣятельностей получится одна дѣятельность и въ ней будутъ объективи-

рованы въ одну часть среды эти два предмета, и въ одно частичное движеніе—два частичныхъ движенія.

Однако, эта только что полученная форма объективизаціи среды и соотвѣтственная ей форма объективизаціи частичныхъ движеній индивида не отрицаетъ собою и существованіе представленія этихъ предметовъ, каждаго въ отдѣльности; она не отрицаетъ также представленія каждаго въ отдѣльности изъ соотвѣтственныхъ имъ частичныхъ движеній, изъ которыхъ тѣ и другіе ранѣе вызвали, какъ фактъ, дѣятельное движеніе къ нимъ другихъ частей индивида, движеніе, которое объективировалось въ слова «*это столъ*» и «*это черное*».

Но тогда эта полученная объективизація двухъ предметовъ въ одно цѣлое представленіе и соотвѣтственно ей объективизація двухъ частичныхъ движеній въ одно частичное движеніе будетъ одновременно сопровождаться слѣдующими словами: «это столъ черное» (активность человѣка, направленная на это сочетаніе звуковъ можетъ, конечно, внѣшнюю форму этого сочетанія и измѣнить, приспособляя ее къ желательной цѣли.

Значитъ, если прдположить, что человѣкъ, чрезъ свои цѣлесообразныя движенія въ направленіи къ средѣ одинъ предметъ опредѣлитъ, какъ равный другому, и этотъ второй, такимъ образомъ, сдѣлается формой опредѣленія перваго, напр.: «столъ» человѣкъ опредѣлитъ чрезъ «черный», то этотъ фактъ, какъ мы только что видѣли, выражаетъ собою то, что *одна форма дѣятельности человѣка равна другой его формѣ дѣятельности.*

Частичныя движенія, вызванныя представленіемъ и связное цѣлое ихъ съ представленіемъ могутъ существовать въ различныхъ частяхъ индивида и притомъ существовать уже независимо отъ новыхъ представленій, и на нихъ строится, такимъ образомъ, система различныхъ активныхъ соотношеній другъ къ другу частей цѣлаго индивида.

Такимъ образомъ, и объективированные звуки съ соотвѣтствующими формами движенія могутъ существовать пространственно одновременно въ различныхъ частяхъ индивида или въ немъ самомъ уже тогда, когди его непосредственныя движенія къ средѣ или исчезли или перешли въ другую форму.

Однимъ словомъ, то, что совершается для индивида во времени можетъ въ немъ самомъ существовать одновременно, пространственно, при системѣ активныхъ соотношеній однѣхъ его частей къ другимъ

и при томъ условіи, что разсматриваемыя въ этомъ случаѣ формы движеній не разлагаются въ немъ, а становятся лишь составными элементами новыхъ движеній.

Если будутъ имѣться налицо новыя представленія, вызывающія собою новыя формы частичныхъ движеній, то придетъ соотвѣтственно этому въ движеніе и вся система активныхъ движеній частей индивида другъ къ другу.

Эти существующія активно-частичныя движенія частей индивида, комбинированныя и объективированныя имъ, въ свою очередь, въ объективированной связности ихъ съ новыми его объективированными движеніями, опять-таки, комбинированныя въ различныя звуки и сочетанія ихъ, переносятъ свои движенія обратно на среду. Такъ какъ каждое изъ частичныхъ движеній явилось, какъ результатъ существованія для индивида опредѣленно-объективированной имъ части среды или предмета природы, то, при неизмѣнныхъ условіяхъ среды, все сочетаніе активныхъ движеній, въ ихъ различныхъ комбинаціяхъ, переносится, такимъ образомъ, на среду и вызываетъ въ ней, соотвѣтственную комбинацію движеній ея частей, и, такимъ образомъ, служитъ, повидимому, основаніемъ цѣлесообразной творческой дѣятельности индивида.

Заканчивая это наше схематическое изслѣдованіе, мы, повторяемъ, далеки отъ претензіи считать его за доказанное или опытное рѣшеніе философскихъ вопросовъ. Мы смотримъ на него единственно только, какъ на попытку указать тѣ особенности ихъ рѣшенія, которыя вносятся общественной точкой зрѣнія.

Эти-то особенности рѣшенія философскихъ вопросовъ должны, по нашему мнѣнію, въ концѣ концовъ, объединить собою, въ одной общей генетической картинѣ, всѣ формы послѣдовательнаго развитія жизни, включая сюда и такіе результаты ея, какъ формы человѣческой дѣятельности и творчества.

А это, въ свою очередь, допуститъ возможность пониманія матеріи не только въ тѣхъ ея формахъ, въ какихъ она представляется намъ непосредственно или въ продуктахъ нашего творчества, но и въ такихъ, въ какихъ она намъ представится чрезъ критику нашего формальнаго представленія и пониманія ея.

Тогда мы поймемъ ее въ тѣхъ формахъ ея движеній и въ тѣхъ формахъ расчлененія этихъ движеній, которыя допускаютъ возможность формальнаго представленія и пониманія ея.

Это является для насъ формой абсолютнаго пониманія матеріи (въ противоположность всѣмъ, разобраннымъ нами, формально относительнымъ формамъ представленія и пониманія ея) т. е. пониманія ея тѣмъ, что только при извѣстномъ сочетаніи формъ движеній можетъ быть для человѣка всѣмъ, т. е. можетъ явиться для него въ формѣ предметовъ природы и въ формѣ различнаго пониманія ихъ.

Если принять какъ фактъ, вышенамѣченныя нами матеріальныя основанія для возможности представленія матеріальной дѣйствительности и формы знанія о ней, то наше изслѣдованіе можно будетъ закончить слѣдующими самыми общими выводами.

Представленіе предмета выражаетъ собою фактъ дѣятельнаго отношенія человѣка къ той части среды, которая объективируется въ формѣ предмета.

Если же мы одинъ какой-либо предметъ приравнимъ къ другому, то этимъ самымъ мы первый предметъ опредѣляемъ чрезъ второй. Такимъ образомъ, второй предметъ сдѣлается понятіемъ или формой опредѣленія перваго предмета. Но, очевидно, это мы можемъ сдѣлать только уравнявши наше дѣятельное отношеніе къ обоимъ этимъ предметамъ.

Чтобъ приравнять одно свое дѣятельное отношеніе къ средѣ къ другому своему дѣятельному отношенію къ средѣ, для этого, въ свою очередь, необходимо, чтобъ человѣкъ дѣятельно отнесся какъ къ одной своей дѣятельности, такъ и къ другой. Такимъ образомъ понятіе выражаетъ также и дѣятельное отношеніе человѣка къ своему дѣятельному отношенію. Но, если одинъ человѣкъ *свой предметъ* приравниваетъ *къ предмету другого человѣка* и его дѣлаетъ понятіемъ, то, очевидно, понятіе это тогда подразумѣваетъ дѣятельное отношеніе одного человѣка къ дѣятельному отношенію къ средѣ другого человѣка.

Если же понятіе существуетъ *общественно*, т. е. существуетъ, какъ имя, указывающее на опредѣленную матеріальную дѣйствительность, т. е. всѣ люди приравниваютъ къ нему опредѣленныя свои представленія, то этимъ опредѣляется не только качественная

форма опредѣленной дѣятельности, но также и то, что на почвѣ этой дѣятельности происходитъ отношеніе людей другъ къ другу.

На основаніи всего вышеизложеннаго можно сказать, что общественно существующія понятія выражаютъ опредѣленныя формы отношенія между людьми, т. е. выражаютъ опредѣленные соціальные факты.

Развивающіеся акты обособленныхъ и цѣльныхъ въ своей обособленности человѣческихъ дѣятельностей, особенно въ формахъ нашего опытнаго познанія природы, развиваютъ и формы нашего соотносительнаго систематическаго представленія природы. Съ одной стороны, отдѣльные акты дѣятельности направляются къ такимъ пространственнымъ частямъ среды, которыя не входили раньше въ процессъ дѣятельности изолированно отъ ряда граничащихъ съ ними частей ея, а потому и не объективировались въ отдѣльныя представленія. Съ другой стороны, граничащія пространственныя формы, изъ которыхъ каждая лишь изолированно отъ другихъ входила въ акты человѣческой дѣятельности, могутъ всѣ вмѣстѣ войти въ составъ одной дѣятельности, что и выразится въ объективизаціи въ одну часть матеріальной дѣйствительности *нѣсколькихъ* ея частей, каждая изъ которыхъ ранѣе объективировалась въ форму отдѣльнаго предмета.

Такимъ образомъ развивается въ частяхъ и въ цѣломъ по мѣрѣ общественнаго развитія и система представленій отдѣльнымъ человѣкомъ природы.

Соотвѣтственно развивающейся системѣ представленій природы развивается и общественно существующая система понятій.

Каждое вновь появившееся индивидуальное представленіе, получающее, въ качествѣ отдѣльнаго представленія, опредѣленное имя, опредѣляется черезъ общественно существующія понятія, какъ выражающія въ цѣломъ ту же форму человѣческой дѣятельности, что и вновь появившееся представленіе. При этомъ обобщается съ другимъ понятіемъ, т. е. такимъ, которое въ общественно существующей системѣ понятій означаетъ собою общественную дѣятельность наиболѣе подходящую къ нему, но вмѣстѣ съ тѣмъ отличается отъ всякой другой формы дѣятельности, чрезъ понятія, означающія непослѣдовательно болѣе общія формы дѣятельности.

Но чрезъ этотъ путь опредѣленій само представленіе становится понятіемъ и притомъ такимъ, которое вырисовывается суще-

ствующимъ въ опредѣленномъ отношеніи къ общей системѣ общественно существующихъ понятій, т. е. значитъ и само входитъ составнымъ элементомъ въ эту систему. Такимъ образомъ, мы можемъ представить не только возникновеніе понятія, но и развитіе общественно существующей системы понятій, или собственно развитіе общественнаго самоопредѣленія.

Мы знаемъ, что, по мѣрѣ своего общественнаго функціонированія, рядъ добавочныхъ опредѣленій, опредѣляющихъ свойства матеріальной дѣйствительности, увеличивается. И этотъ фактъ выражаетъ собою лишь то, что по мѣрѣ своего общественнаго функціонированія, объективированныя въ форму отдѣльныхъ предметовъ части матеріальной дѣйствительности вызываютъ къ себѣ новыя качественно различныя формы дѣятельности. И появляются всѣ они, конечно, уже тогда, когда эта матеріальная дѣйствительность уже есть налицо.

Опредѣляется понятіе, какъ выражающее ту, а не другую матеріальную дѣйствительность, т. е. опредѣляется субстанціонально только чрезъ тѣ опредѣленія, которыя опредѣляютъ его въ *генезисѣ*, т. е. чрезъ тѣ понятія, которыя существуютъ съ *момента* его возникновенія и которыя обусловливаютъ его существованіе, въ свою очередь, какъ понятія, указывающаго на, опять-таки, опредѣленную матеріальную дѣйствительность.

Поэтому, если мы утеряли опредѣленіе какого-либо понятія, то намъ надо возвратиться къ изслѣдованію той стадіи общественнаго развитія, когда понятіе впервые возникло, и посмотрѣть, какому соціальному факту оно соотвѣтствовало и какими общественно-существующими понятіями оно въ генезисѣ опредѣлялось.

И какъ бы затѣмъ не различались между собой формы матеріальной дѣйствительности въ другихъ отношеніяхъ, но если они будутъ выражать собою этотъ опредѣленный соціальный фактъ, они будутъ *однородны въ отношеніи къ понятію, которое этотъ соціальный фактъ собою выражаетъ*. Здѣсь не составляютъ, конечно, исключенія и такія наиболѣе, на первый взглядъ кажущіеся, сверхъопытно данныя понятія, какъ различныя понятія религіи, нравственности и пр.

Опредѣленная форма представляющейся намъ матеріальной дѣйствительности до тѣхъ поръ соотвѣтствуетъ одному и тому же понятію, опредѣляющему ее въ системѣ понятій, т. е. какъ опредѣ-

ляющему ее субстанціонально, *пока пространственное представленіе ея выражаетъ собою ту же качественную форму дѣятельности, что и это общественно-существующее понятіе въ системѣ понятій.* И это несмотря на то, что по мѣрѣ своего пространственнаго измѣненія, въ опредѣленныхъ границахъ времени, представленіе матеріальной дѣйствительности, въ полной формѣ своего общественнаго опредѣленія, постепенно пріобрѣтаетъ и измѣняетъ (т. е. замѣняетъ другими) опредѣленія своихъ свойствъ, т. е. пріобрѣтаетъ и измѣняетъ понятія, которыя означаютъ собою, въ ея опредѣленіи, тѣ качественныя формы дѣятельности, которыя дополняютъ до опредѣленной конкретности качественную форму дѣятельности, выражающуюся въ понятіяхъ, опредѣляющихъ субстанціонально матеріальную дѣйствительность.

Но, когда представленіе матеріальной дѣйствительности въ своемъ *пространственномъ* измѣненіи начинаетъ выражать собою *совершенно другую качественную форму дѣятельности, чѣмъ выраженная въ понятіи, ее субстанціонально опредѣляющемъ*, то эта матеріальная дѣйствительность начинаетъ субстанціонально опредѣляться совершенно другимъ понятіемъ, т. е. дѣлается совершенно другой.

Такимъ образомъ, если мы будемъ разсматривать матеріальную дѣйствительность только въ пространствѣ и времени, т. е. въ предѣлахъ нашего непосредственнаго представленія ея, то въ этомъ отношеніи она будетъ представляться намъ лишь постепенно мѣняющей свои границы.

Если же мы будемъ матеріальную дѣйствительность разсматривать въ отношеніи къ общественно-существующей системѣ понятій или собственно будемъ разсматривать различныя *формы дѣятельности человѣка* въ направленіи къ этимъ ея матеріальнымъ формамъ, то она будетъ представляться измѣняющейся *діалектически*. Т. е. въ своемъ пространственномъ измѣненіи она будетъ соотвѣтствовать то тѣмъ, то другимъ понятіямъ, ее опредѣляющимъ въ общественно-существующей системѣ понятій. Эти понятія будутъ выражать собою то тѣ, то совершенно другія качественныя формы общественно-существующихъ дѣятельностей людей въ отношеніи къ ней, какъ къ опредѣленной формѣ матеріальной дѣйствительности, а чрезъ это и другъ къ другу.

БИБЛІОТЕКА
СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ